

Владислав Крисятецкий
ИСПОРЧЕННЫЙ КАДР

Роман

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Владислав Крисятецкий

Испорченный кадр

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69469819

SelfPub; 2023

Аннотация

Течение лет превращает жизнь главного героя в безрассудную гонку, а его самого – в заурядного обывателя. Устоявшийся порядок вещей и ставший привычным образ мыслей нарушает серия непредвиденных событий, отправной точкой для которых оказывается случайная встреча с давним знакомым.

Содержание

Часть первая	5
2.	8
3.	11
4.	16
5.	21
6.	24
7.	31
8.	36
9.	43
10.	48
11.	53
12.	64
Часть вторая	69
2.	75
3.	78
4.	86
5.	89
6.	95
7.	99
8.	107
9.	112
10.	119
11.	122

12.	132
13.	142
14.	146
15.	150

Владислав Крисятецкий

Испорченный кадр

Часть первая

1.

Моя проблема в природной лени. Нет, можно говорить о невезении, усталости, занятости. О несовершенстве "технологий во благо потребителя". О настроении и погоде упомянуть. И всё же главная причина известна мне, и уж конечно, не является секретом для моей семьи. Думаю, в курсе даже Стас, который теперь рискует остаться без нормального подарка.

Но это мы еще посмотрим, а пока верно лишь то, что я вышел из пункта выдачи с пустыми руками, примкнув к рядам обманувшихся заказчиков без плана Б. Что дальше? Пройтись по соседним магазинам? Позвонить Марго? Или сразу Ларе, уж она-то должна знать, что там в шорт-листе желанный мужа?

Мой взгляд блуждает по окрестностям, пока не наткнется на уличный вернисаж по ту сторону проспекта. Задумываюсь. Идея сомнительная и заманчивая одновременно. Прежде всего своей новизной. Такого лучший друг никак

не ждет. Тем более, от меня. Где я, и где высокие материи. Но почему нет? Бутылки, гаджеты, подарочные карты, абонементы на футбол... Всё это уже было. Теперь кальян этот дурацкий, который наши дамы почему-то сочли удачным подарком ко дню рождения. Купит сам, если сильно надо, решаю я. В Турции, куда они с Ларой снова собираются, или где поближе. Сегодня я новатор. Вспомнивший о трепетной душе.

Перехожу через дорогу. Даже немного волнуюсь от предвкушения и от собственной смелости. Внедряюсь в малолюдные коридоры из полотен, откуда на меня с надеждой смотрят городские и сельские пейзажи, натюрморты, женщины в неглиже, домашние животные и цветастые абстракции. Но всё это кажется каким-то банальным даже для обывателя вроде меня. Иду, почти не останавливаясь, и уже начинаю разочаровываться в своей затее, когда мои ноги сами замедляют шаг.

Кажется, я нахожу то, что искал. На одном из стендов, возле которого на складном стуле сидит человек в капюшоне. Картины приятных светлых тонов не имеют очевидного сюжета, но привлекают мое внимание. Предметы на них различимы, и вместе с тем лишены четких границ, они словно вдруг возникают и тут же скрываются в тумане. Что-то в этом есть. Стимулирует воображение, не грузит повседневностью.

– Ищете что-то конкретное, уважаемый? – слышу вальяж-

ный хрипловатый голос.

Я собираюсь осведомиться о ценах и вдруг теряю дар речи.

Из-под капюшона старенького плаща на меня с интересом смотрит лицо Катранова. Он тоже узнает меня и расплывается в нахально-обаятельной улыбке. Той самой, что кружила головы девчонкам начала девяностых. Конечно же, время не оставило без внимания его внешность. Но это точно он. Легенда из моего далекого детства.

– Искусство сближает, – протягивает он в своей шутливой манере. – Привет, Димуль.

– Привет, Вить, – роняю не без смущения. – Ты нашелся в неожиданном месте. Что могу сказать. Спасибо, что живой.

Улыбка Катранова становится шире и еще дружелюбнее. Он простирает руку к висящей рядом сумке, и через пару секунд из нее показывается горлышко металлической фляги. Ничего не меняется.

2.

Вернуться домой поздно вечером представлялось перспективной идеей, но на деле она оборачивается провалом. Вопреки моим ожиданиям, Марго не спит. Когда я проскальзываю в квартиру, стараясь быть ловким и бесшумным, моя жена сразу зажигает ночник и садится в постели, внимательно рассматривая меня.

Немая сцена длится недолго, но даже за это время характерное покалывание от ее взгляда становится ощутимым. Ставлю картину на пол прихожей и вхожу в комнату. На встречу своей участи.

– Где был? – начинает она бесстрастно.

Я миролюбиво сажусь на край дивана. Совершая свою первую ошибку. Пора бы запомнить, что у некоторых хищников обостренное обоняние.

– Твою мать, Беляев, – ее голос понижается до ядовитого шипения.

– Подожди. Я всё объясню, – поспешно встаю, надеясь защититься.

– Лучше сделай это поскорее, пока по комнате на начали летать предметы.

Похоже, не блефует. Я и правда стараюсь говорить оживленнее.

– Встретил старинного приятеля. Мы не виделись больше

двадцати лет. Кстати, он помог мне выбрать...

Рассеянно киваю в сторону картины. Ошибка номер два.

Марго с недоумением смотрит на перевязанный веревкой сверток.

– Что это. Ты собирался забрать подарок для Стаса. Никогда не видела кальянов в форме багетной рамы, – в ее серьезном голосе слышны угрожающие нотки.

– Кальяна не будет. Брак при пересылке. Нам вернут деньги. Вместо него подарим картину, – отвечаю как можно спокойнее. Чем только подчеркиваю свое опьянение.

Она моргает, не вполне понимая смысл сказанного.

– Тебе не кажется, что в таких случаях принято советовать?

Слышу первые раскаты грома. И это не причуды весенней погоды.

– Я принял решение, Марго. Как мужчина и как лучший друг.

Иногда создается впечатление, что заложенная во мне программа содержит системный сбой. В данном случае, нацеленный не на улаживание, а на обострение конфликта.

Жена пристально смотрит мне в глаза, онемев от такой наглости. Затем протягивает руку, хватая подушку и швыряет в меня.

– Знаешь, что, друг? – тяжело дыша от подступивших эмоций, произносит она. – Забирай-ка ты свой подарок, свою борзость и свой перегар. И вали спать на кухню. Твое сча-

стве, что мне рано вставать.

Хочу ответить что-то колкое насчет "моего счастья", но на сей раз успеваю внести в программу коррективы. Дерзко подмигнув хозяйке, непокорный пес послушно скрывается на кухне. Оставляя картину в прихожей.

3.

Раскладушка оказывается за шкафом. Именно там, куда я поставил ее в прошлый раз. Даже толком не запылилась, хотя времени минуло уже порядочно. Достаяю и прислоняю к стене, водружая сверху подушку.

Спать надо и давно пора, но не хочется. Не спеша завариваю чай, сажусь на свое обычное место во главе стола. Передо мной закрытая дверь. Я упираюсь в нее отсутствующим взглядом, и вскоре сами собой приходят воспоминания.

Катранов был звездой нашего двора. Да что там, всего городка. Хедлайнером, как сказали бы теперь. Душой компании, как говорили тогда. Казалось, ни одно важное дело, ни один праздник, ни одно крупное событие не могло обойтись без его участия. Без него было скучно, неуютно, сомканно. Его энергия заражала и заряжала. А весело прищуренные глаза поддерживали тех, кому было плохо, и вдохновляли стоявших на перепутье. Они с любопытством наблюдали за всеми попадавшими в поле зрения. И, казалось, никого не забывали.

В том числе и меня. Мы с ним не были приятелями, как я сказал Марго. Или его приятелями были все жители города. Да, мы часто виделись, так как жили по соседству. Здоровались, иногда перебрасывались парой фраз. Но о том, чтобы

подружиться с ним, я даже не помышлял, настолько недо-
стижимым казался мне его уровень. Он был лет на десять
старше. Легкий, яркий, жизнерадостный. С харизмой и авто-
ритетом. Бесшабашное обаяние уживалось с внутренней си-
лой. Артистичный, искрометный. Казалось, мог бы сыграть
в кино какого-нибудь знаменитого персонажа. Вроде Робин
Гуда. Или графа Монте-Кристо.

Ну, а мне просто хотелось быть хоть немного похожим на
него. Светлым, неунывающим. И при этом простым, без раз-
дувания щек на публике. Научиться играть на гитаре, чего
так и не произошло. Выпивать и не пьянеть, а становиться
только остроумнее. Покорять девчонок, не прилагая особых
усилий. Сохранять детский интерес к жизни и к людям. Быть
собой. В любой ситуации.

У меня не вышло. Отчасти потому, что наш город рано ли-
шился своего героя. И как-то слишком быстро забыл о нем.

Конечно, Катранов не был ангелом. Иногда он пил боль-
ше, чем нужно, и не с теми, с кем нужно. А еще у него слу-
чались приводы за драки. После одной из них он надолго сел
в тюрьму.

Я так не узнал всей этой истории, а с годами стало забы-
ваться и то, что было известно. После одной из посиделок
они с дружкой Чулиным собрались по домам. За ними с це-
лью "шарахнуть на троих" увязался хронический пьяница и
задира Кочетков. Вместе они пошли к мосту, под которым
Катранов и Чулин часто сживали в компаниях. С гитарой,

песнями, вином и красивыми девушками. Дело было поздно вечером, и что произошло на этот раз никто не видел. То есть, все так думали.

На следующий день труп Кочеткова вытащили из реки. Сначала никто не связал его гибель с той ночной вылазкой. Ну, упал, разбился о камни. Бывает. Честно говоря, вздохнули даже. Утомил он всех.

Но затем случился Лагутин. Худенький парнишка моего возраста. Из соседней школы. Тихий, незаметный. И глазастый, как выяснилось. Как его угораздило, осталось загадкой, но тем вечером он тоже оказался возле моста.

Я случайно встретил его примерно через месяц после того случая. Лагутин совсем замкнулся, старался ни с кем не общаться. Но мне удалось его разговорить. О произошедшем узнал от него мало. В основном пацан оправдывался и пытался убедить меня, что он не стукач. Что не хотел доносить, но дома, увидев шокированного сына, насел с расспросами отец. И Лагутин рассказал. Сначала ему, а затем и в милиции, куда приволокли чуть ли не силой.

По его словам, на мосту вышла драка. Кочетков получил камнем по голове. Кто бил последним и сбросил тело в воду, Лагутин в темноте не разглядел. Взяли Катранова и Чулина. Катранов сознался и сел. Чулина выгнали из техникума и забрали в армию. Вот и весь расклад.

Через несколько месяцев я закончил школу и уехал поступать в институт. Потом отслужил. Вскоре после возвраще-

ния переехал в мегаполис. Поселился на съемной, нашел работу. Был даже рад побыстрее распрощаться с городом моего детства. А сейчас понимаю, что последним значимым событием из него оказалась эта злосчастная драка. Бесцеремонно вычеркнувшая из моей жизни, беспощадно забракodawшая сочиненного мной же героя по имени Витя Катранов.

И вот он вернулся. Как снег на голову. Что я чувствую теперь, когда встретил его так запросто, будто тот никуда не исчезал? Да ничего хорошего. Как ни жаль. Я увидел постаревшее, выцветшее, покрытое глубокими морщинами лицо. Усталые потухшие глаза навывкате. Тронутую сединой когда-то пышную, а ныне забранную в узелок неопрятную шевелюру. И лишь в ироничной ухмылке и скрипучем рассудительном голосе еще теплилось что-то знакомое. Но уже не радующее, а скорее накрывающее безотчетной тоской. Как капюшоном его мешковатого плаща.

Мы выпили из его фляги по глотку дешевого коньяка, он помог мне с картиной и записал на бумажке мой номер телефона. На том расстались. После чего я купил бутылку и добавил на скамейке в парке. Уже в одиночестве. Просто почтил память. Наверное, лучше бы мы не встречались. Легенды должны умирать молодыми. Или стареть там, где нет былых почитателей.

Дверь на кухню открывается, возвращая меня в этот сумбурный вечер. Марго неторопливо заходит и останавлива-

ется в круге блеклого света от нашей люстры. Она смотрит пытливо, но угрозы во взгляде больше не видно. Кажется, я снова прощен.

Протягиваю руки и пробую обнять за талию. Она слабо противится, но быстро сдается и садится ко мне на колени. Я целую ее в висок и растворяюсь в родном запахе. Так мы и сидим какое-то время.

Моя королева. Однажды я наберусь смелости и скажу тебе эти два простых слова. Пока что губы не складываются в такую фразу. Они ждут подходящего момента, который всё не наступает. Сейчас ты так близко. Кажется, чем не повод попробовать. Но кто поверит пьяному, верно?

– Хорошая картина хоть? – примирительно спрашивает она.

– Лучшая из представленных, – нахожусь я с ответом.

Марго едва заметно улыбается. Легонько щелкает меня по лбу.

– Пошли спать. У меня и правда ранний подъем.

4.

Дашка расположилась за кухонным столом, озаряемая солнечными лучами. Уткнувшись в ноутбук, моя дочь сосредоточенно и почти безостановочно щелкает по кнопкам, набирая текст.

– Привет, чудо-ребенок! – бросаю я, направляясь мимо нее прямо к графину.

– С добрым утром, чудо-отец, – отвечает она не без сарказма.

Методично истребляю запасы питьевой воды. Опустошив два стакана, наполняю третий и лишь тогда оборачиваюсь к ней. Дашка окидывает меня скептическим взглядом.

– Как самочувствие? Выглядишь на "троечку".

– Бывало и лучше.

– Понятно, – она рассматривает меня еще секунду, затем снова опускает глаза на клавиатуру. – Надеюсь, ты не начал снова? Мама будет недовольна.

– Я больше не пью, малыш, – парирую я невозмутимо. – Этот вопрос закрыт. Вчера была редкая уважительная причина.

– Я не малыш, – тут же напоминает Дашка. – Кстати, ты не мог бы перестать рассекать по квартире в трусах? Меня не прикалывает видеть перед собой волосатые мужские ноги. И я не в том возрасте, чтобы упускать это из виду.

– О как, – усмехаюсь в ответ. – Ты ведь уже невеста без пяти минут! Как же собираешься жить с мужиком после таких претензий?

Дочь выразительно выглядывает из-под косой чёлки. Да, ребенок взрослеет с каждым днем. Вот уже и смотрит почти как ее мать. Использует глаза как холодное, а порой и как огнестрельное оружие.

– Есть будешь? Могу сделать яичницу на двоих, – прерываю я этот сеанс телекинеза.

– Я уже. Завтракай, тебе ж на работу скоро, – Дашка переводит взгляд на экран, и через мгновение ее пальцы снова уверенно скользят по черным клавишам.

Извлекая из холодильника яйца, колбасу и масло, спохватываюсь и удивленно оглядываюсь.

– Эй, дитя природы! А ты почему не в школе?

На этот раз она не отвечает. Делает вид, что погружена в работу.

– Дарья Дмитриевна, ку-ку! Ответь папке-то! – поднимаю бровь.

Щелканье прерывается, но всего на несколько секунд.

– Пап, я знаю, когда мне надо быть в школе. И умею пользоваться часами, – безапелляционно роняет дама за столом.

Я умолкаю, раздумывая над ее словами. Пожимаю плечами, бросаю взгляд на время и принимаюсь за приготовление пищи. Дочь права, пора поторапливаться. Но в ее присутствии мне сегодня почему-то не молчитя. Снова гляжу че-

рез плечо.

– Как учеба? Выпускной на носу, экзамены. Готовишься? – указываю на ноутбук.

Она вынуждена вновь отвлечься от текста. Короткий раздраженный вздох. Очевидно, я мешаю творческому процессу.

– Нет, не готовлюсь. Это не связано со школой.

– Ага, ясно. Значит, с универом? – хмыкаю понимающе, разбивая яйца в сковородку. – Когда подача документов?

После недолгой паузы слышится ее осторожный голос. И замечательное по своей неожиданности заявление.

– Знаешь, я решила не поступать в этом году.

Сказано настолько легко и естественно, что я не сразу соображаю, о чем речь. Но вскоре разворачиваюсь в изумлении.

– В смысле? Не поступать туда или не поступать совсем?

– Наверное, совсем. Но я еще сомневаюсь, – задумчиво говорит Дашка и смотрит испытующе, ожидая моей реакции.

– Давай так. Посомневайся еще часок-другой и берись за голову, ладно? – придаю голосу назидательности. – Образование превыше всего.

– Превыше чего? – хмурится дочь. – Лично мне нужны только средства для достижения целей. А для этого пока хватит и аттестата.

– Ты не знаешь, о чем говоришь, – качаю головой. – Послушай отца, без высшего сейчас не попасть на должность

ни в одно приличное место.

– Всё приличное при желании можно найти самой. Не слезая с этого табурета, – спокойно возражает она и кивает на ноутбук.

Я смотрю на него с подозрением.

– Что ты там набиваешь всё утро, скажи на милость?

– Текст для поста. У тебя яичница горит.

Не глядя, отставляю незадачливый завтрак на холодную конфорку.

– Какого еще поста?

– Я создаю блог, – пожимает она плечами, заставляя себя объяснять очевидную вещь.

До меня доходит. На секунду зажмуриваюсь.

– Только не говори, что собираешься стать блогером, – морщусь я, будто от зубной боли.

Моя реакция не становится для Дашки сюрпризом. Но и не радует.

– Говорю же, что еще не решила, – отрезает дочь мрачно, встает из-за стола и закрывает крышку устройства. – Ешь давай, теперь твой суперзавтрак остывает.

Дашка собирается выйти из кухни, но, вспомнив что-то, поворачивает лицо ко мне.

– Ты не в курсе, как наша поликлиника работает по выходным?

Я перевариваю свежую новость и лишь рассеянно мотаю головой на отвлеченный вопрос.

– Ладно, выясню сама, – кивает она и уходит в свою комнату.

– Эй, а мама знает? – успеваю выкрикнуть ей вслед. – Учти, разговор не закончен!

Ругаюсь себе под нос и возвращаю яичницу на огонь. При- тихшая на время пицца снова начинает возмущенно ворчать в сковороде.

5.

Появляюсь в конторе на несколько минут раньше шефа. То есть не опаздываю. А если бы и задержался, думаю, обошлось бы без санкций. Михаил Олегович недавно с нами, и пока у него период адаптации. Подразумевающий ровное и доброжелательное отношение к каждому из своих новых подопечных. Надо осмотреться и присмотреться. Осознать, куда привел его этот карьерный вызов.

Что сказать, уважаемый Михаил Олегович! По-моему, жребий ваш ниже среднего. Мы ленивы. Не очень компетентны. Честно говоря, большинство из нас вообще не до конца понимает, чем мы здесь занимаемся. Да и не особо расстраивается по этому поводу. Сюда приезжают отдохнуть от домашних дел, от стрессов, от детей, от беготни и автомобильных пробок. Поэтому людей на рабочих местах застать не всегда легко, стоит поискать у кофе-автоматов, в курилках, в просторной кухне за приятными беседами. Хотя и вроде бы занятых делом сотрудников достаточно, и они образуют приятную для глаз массовку. Если не обращать внимания на то, что в состоянии занятости эти молодцы по большей части поглощены личной перепиской, поиском товаров и услуг, ну и просто интернет-серфингом для души. Разговоры о работе? Есть, как без них. Стеклопакетные стены нашего оупен-спейса не дадут соврать. В основном, это негром-

кое роптание о недооценке личных заслуг, недозарплате, недопремии, недокомпенсации и недоиндексации в условиях растущей инфляции.

Конечно, вы можете озаботиться революционными преобразованиями и кадровой чисткой. Но столкнетесь с тем, что новые люди при внешней амбициозности на собеседованиях и убедительных обещаниях стараться во благо фирмы, на деле окажутся еще более дремучими лентяями, чем мы. Просто более изобретательными и циничными. Об этом вам могли бы рассказать оба ваших предшественника. Разумеется, в частной обстановке за бокалом хорошего красного. Но вы же считаете себя умнее и опытнее, не правда ли? Так что, добро пожаловать в болото.

Впрочем, прозрение придет позже. А пока о хорошем. Оглядитесь по сторонам, и вы увидите чистенькие интерьеры в стиле хай-тек. Широкие, прекрасно освещенные коридоры с успокаивающими узорами на ярких стенах. Вышагивающих по недешевому ковровину обаятельных сотрудников со здоровым цветом симпатичных лиц. Ослепительное множество красивых девушек, которым славится наше, как и любое другое, крупное офисное пространство. Они милы, приветливы, отзывчивы. Они рады вам, Михаил Олегович! И, судя по тому, что вы моложе меня, по улыбке на вашем безупречном лице и сиянию глаз под очками, вы цените это. Так что, добро пожаловать в рай!

Кстати, сегодня у одной из наших первых красавиц день

рождения. Танюха Копылова, девушка приятная во всех отношениях. Рекомендую. Она трудится в одной комнате со мной, и со своего места мне прекрасно видно, как проходит ее день. Вот она щебечет в ответ на комплименты и нежности заглядывающих к нам сослуживцев. Лучезарно улыбается и озорно отшучивается в адрес поклонников на том конце линии ежеминутно трезвонящего рабочего телефона. Не может довести до конца ни одного дела, отвлекаясь на исторгающий письменные и устные пожелания айфон. Даже шевелиться старается осторожно, боясь уронить со стола одну из ваз с подаренными цветами.

Но всё это лишь прелюдия. Ведь сегодня пятница! А потому, вечером на упомянутой выше кухне можно по-настоящему расслабиться в компании коллег. Танюха постарается с угощениями, будьте уверены. И мы ей поможем. Это отличный предлог познакомиться с нами в формате "без галстука". Не упускайте. Приходите.

6.

Шеф и правда заглянет на сабантуй. Пробудет с нами около пятнадцати минут. Поднимет первый тост в адрес разругавшейся от такого внимания Танюхи, немного послушает наш растущий по мере продвижения благодушный гомон. Выпьет за процветание фирмы и тихо отбудет по делам, оставляя взрослых детей наслаждаться друг другом. По мере сил, времени, наличия общих тем и топлива на праздничном столе.

Я смотрю на всё это со стороны. Терпеть не могу оставаться трезвым в стремительно пьянеющей компании. Но для того, чтобы второй вечер подряд появиться перед Марго в подпитии, нужен инстинкт камикадзе, которого у меня нет. А уехать сразу невежливо, человек старался.

Терпеливо потягиваю сок и таскаю закуски, когда замечаю, что ко мне протискивается Олежек Комар. Его фамилия напоминает прозвище, хотя оно ему никак не соответствует. Олежек скорее донор, чем вампир. Он принадлежит к той редкой категории моих коллег, которые искренне верят, что работа в нашей компании – это трамплин к серьезному карьерному росту. Такие стараются, вынашивают идеи, засиживаются за графиками и цифрами. Сбивают с толку начальство, до поры считающее, что сотрудники вроде Комара представляют интересы большинства. Такие лю-

ди мне не слишком интересны. Пожалуй, даже вызывают сочувствие. Возможно, потому что когда-то, в прежние "зеленые", я недолго и сам был таким же.

К моему удивлению, Комар предлагает перекурить. Окинув взглядом жующих и пьющих, соглашаюсь. Хочется тишины. Курилка сойдет, даже в компании "ботаника".

Пока он привычно лопочет о перспективах, издержках, пиаре и клиентуре, я спокойно курю, слушая вполуха. Но внезапно в однообразном монологе происходит странный пассаж, который заставляет меня взглянуть в его сторону.

– Чего-чего? – переспрашиваю.

– Я про Танюху, – повторяет он заискивающе и не глядя на меня. – Это правда, что вы в отношениях?

– В каких? – я искренне удивлен.

– В близких, – говорит Олежек, краснея.

Выпрямляюсь от понимания.

– Не верь слухам, – советую ему, по-отечески кладя руку на плечо. – Я верный муж и счастливый отец.

– Отлично, – выдыхает Комар с облегчением и пододвигается ближе. – Просто... она мне нравится. Серьезно. Видал, какая сегодня? Настоящая секс-бомба. Куда я раньше смотрел, не пойму.

Блеск бегающих глаз, сбивчивая речь. Ну, и смысл его слов, конечно. Всё это укрепляет меня в понимании того, что Олежке больше не стоит пить.

Я смотрю на него с сожалением. Передо мной мальчуган тридцати с небольшим, живущий с родителями и бредящий корпоративными идеалами. Ископаемое, по сути. Полезное или нет, покажет время. Но чего мне точно не хотелось бы, так это чтобы такой вот неопытный спортсмен продолжал свой забег по тонкому льду, куда его так потянуло.

– Выбрось из головы, – предостерегающе шепчу, крепче сжимая его плечо.

– Почему? – недоумевает Олежек, впервые останавливая взгляд на моем лице. – Может быть, это шанс всей моей жизни!

В этот момент дверь в курилку распаивается, и к нам присоединяется он. Шанс всей жизни Комара.

– Мальчики, угостите сигареткой, – устало произносит Танюха и тяжело опускается на скамейку.

Олежек оказывается рядом через секунду. Протягивает требуемое и с готовностью щелкает зажигалкой.

– Дорогая Таня, в этот праздничный день разреши мне... – проникновенно начинает он.

– Разрешаю поцеловать в щечку и отправляться пить чай. Наши как раз торт режут, – прерывает поздравление она, равнодушно глядя в сторону.

Комар остается с глупой улыбкой и огоньком в руке. В нерешительности смотрит на Танюху, затем покорно склоняется к щеке и пятится к выходу. Пробую увязаться следом,

но ее голос настигает меня в паре метров от спасения.

– А вас, Беляев, я попрошу остаться, – говорит новорожденная со вздохом.

Комар бросает на меня печальный взгляд Айсмана и исчезает за дверью. Я разворачиваюсь.

Теперь искусственный свет озаряет ее полностью. И сразу становится ясно, что Танюха абсолютно пьяна. Это плохая новость.

Какое-то время она сидит неподвижно, устремив пустой взгляд в окно. Я жду и стараюсь убедить себя, что обо мне забыли. Но это не так.

– Вот и всё, – звучит тоскливый голос. – Мне тридцатник. Приплыли.

Понятно. Наморщиваю лоб в поисках подходящих слов.

– Твоя жизнь только начинается, – пробую включить режим "старшего брата". – Поверь человеку за сорок.

Танюха невесело усмехается.

– "Человек за сорок", – повторяет она задумчиво. – Звучит, как товар и ценник.

– Скорее, как финальная цена на распродаже.

Танюха смотрит на меня с неопределенной улыбкой.

– За такие деньги я бы тебя купила, пожалуй, – произносит она с усилием.

Ее взгляд снова туманится, глаза бесцельно шарят по курилке. Случайно натываются на позабытую зажженную сигарету в руке. Танюха рассеянно затягивается и вновь под-

нимает голову.

– Ты убойный острослов, Димка, – грустно замечает она. – Но и тебе не понять, до чего мне херово.

Кивает мне и ухмыляется.

– Ты чего трезвый такой?

– Я не пью, ты же знаешь.

Танюха удивленно поднимает брови, затягиваясь. Задумывается, глядя на меня сквозь табачный дым.

– Забавная сцена, согласись. Смена ролей. Обычно это ты бухой в жопу, а я стою над тобой со скорбной миной.

– Это было давно, Тань.

Она не без труда поднимается на ноги и направляется ко мне, грациозно покачиваясь.

– Отвезешь меня домой? – осведомляется, подходя почти вплотную.

– Машина в сервисе, – невозмутимо отвечаю, быстро соображая, как быть дальше.

– Так возьми такси, – подмигивает Танюха и нежно кладет руки мне на плечи. – Давай сбежим отсюда. И поедем ко мне. Как тогда, помнишь?

– Не пойдет. Я женат и счастлив в браке.

Она загадочно улыбается. Видимо, хочет казаться соблазнительной, но я чувствую лишь отвращение.

– Какой ты молодец, Беляев, – говорит Танюха, понижая голос. – Жена не нарадуется с тебя, наверное.

– Вряд ли. Слишком хорошо меня знает.

Кривая усмешка уродует ее привлекательное лицо. Был бы здесь Олежек.

– Конечно, знает. Ты тот еще красавчик. Конфетка с сюрпризом.

Она сощуривается, проводя пальцами по моей щеке.

– Знаешь, я часто думаю, – изрекает она зловещим полупшепотом. – Если бы я залетела тогда, что бы ты сказал жене? Забегал бы, наверное. Засуетился. Запаниковал.

Я смотрю на нее молча. Этот монолог должен был когда-то прозвучать.

– Повезло тебе, – продолжает Танюха, сверля меня inferнальным взглядом. – Всё было в моих руках. Оставалось взять тебя за яйца и не отпускать. А я ссыкуха. Чмошница. Пожалела тебя. Влюблена была.

– Ничего хорошего не вышло бы, – отвечаю твердо. – Ты не знаешь мою жену. И не советую знакомиться.

Танюха начинает хохотать. Сначала тихо, затем всё громче. И вдруг замолкает. Долго смотрит на меня без выражения. Глубоко затягивается и с наслаждением выпускает струю дыма мне в лицо.

– Пора найти себе настоящего мужика, – наконец, режюмирует она утомленно и отступает на шаг. – Чем стоять здесь и терять время с таким ничтожеством. Пойду поищу кого-нибудь. Хоть Комара. Она вроде был не против.

Девушка аккуратно погружает окурочок в урну, обходит меня и через несколько секунд от нее в курилке остается лишь

тяжелый запах алкоголя, смешанный с легким ароматом цветочных духов.

Я стою без движения, вперившись в пасмурный пейзаж за окном.

Из ступора меня выводит телефонный звонок. Готовлюсь увидеть на экране фотографию Марго, но высвечивается незнакомый номер.

– Алло, – помедлив, отвечаю с сомнением.

В ответ слышу голос, которого никак не жду. Зато сразу узнаю. Хрипловатый, с расслабленно растянутыми гласными. Такой может принадлежать только Катранову.

Под занавес короткого разговора ни о чем он внезапно приглашает наше семейство в гости. Это звучит так мило и непосредственно, что я не решаюсь отказать. А ведь впереди еще и чествование Стаса. Похоже, нам с Марго предстоят насыщенные дни.

7.

– Ну и? Ты что-то решил?

Голос жены прерывает мое знакомство с утренней лентой новостей. Смотрю на нее в немом удивлении.

– Я об отпуске. Ты обещал подумать.

Действительно, что-то припоминаю. Но весьма отдаленно. Марго закатывает глаза.

– Понятно, – она собирает тарелки. – Значит, так. Я наливаю кофе. Допиваем и принимаем решение, понял?

– Может, дашь еще пару дней? Что за спешка?

– Все сроки вышли. Майские закончились, путевки в хорошие места разлетаются. А давать тебе время бесполезно, это я уже поняла.

Она ставит передо мной дымящуюся кружку и печенье.

– Пей и думай, – с улыбкой повелевает моя фея странствий.

Марго добавляет сахар и, рассеянно позвякивая ложечкой, заглядывает в телефон.

– Итак, – начинает она. – Мы договорились на Италию, помнишь?

Киваю и отхлебываю.

– Вторая половина августа, верно?

Кивок.

– Есть два варианта. Я выбирала на свой вкус и на наш

кошелек.

Марго ищет в телефоне. Снова отвлекаюсь, чтобы дочитать заголовки.

Никто из нас не замечает, как на кухне появляется Дашка.
– Здрасьте, родители, – слышится ее заспанный голос.

Вздрагиваю от неожиданности. Марго улыбается гаджету.
– С добрым утром, соня, – машинально мурлычет она в ответ.

– Приветствую, желтый ангел! – вступаю я обескураженно. – Обучилась передвижению по воздуху? Может, проведешь мастер-класс для предков?

Дочь молча садится за стол, безрадостно оглядывая нас. Совсем не откликается на мой первый залп остроумия. Ладно, тогда следом короткая очередь.

– Тяжелая ночь? – усмехаюсь ей. – Новый пост для блога? О чем он будет хоть?

Дашка стреляет в меня глазами и тут же переводит быстрый взгляд на мать. Вероятно, я сказал что-то лишнее.

– Что за блог? – голова Марго приподнимается, за ней нехотя подтягивается внимание.

– Дашка хочет попробоваться блогером, – сообщаю, с сомнением глянув на ребенка.

– До поступления никаких блогеров, – отвечает мама без колебаний и возвращается в сеть.

Посылаю дочери взгляд под условным названием "что и требовалось доказать". Дашка отвечает напряженным кив-

ком. Долго смотрит на мать, взвешивая "за" и "против".

– Мам, я... – она облизывает губы и всё же решается: – Наверное, я не буду поступать в этом году. Думаю, для меня так будет лучше.

Марго коротко оглядывает ее. Недоверчиво и с любопытством. Как говорящую божью коровку. Затем откладывает телефон. На ее губах появляется тонкая улыбка. Обычно она не предвещает ничего хорошего.

– Милая дочь, твое мнение на этот счет пока ничего не значит, – говорит мама с мягким, но отчетливым нажимом. – Сейчас решаем мы с папой. Когда станешь совершеннолетней, сможешь послать нас, куда тебе подскажет фантазия. Хотя я надеюсь, что к тому времени ты поумнеешь и поймешь, что правы были мы.

Дашка беспомощно скользит глазами по моему лицу. Но Марго реагирует раньше, чем я успеваю вставить хоть слово.

– Папочка не поможет. Он пока не выжил из ума и знает, что важно для его дочери. Прекрати это ребячество и вернись в реальность, прошу тебя. Я весь язык стерла разговорами про твой универ. Хватит уже выходок.

Дочь отвечает долгим взглядом. В нем обида и непокорность. И еще мне впервые явственно мерещится ее отчаяние. Марго выдерживает молчаливый возглас дочери спокойно и даже чуть насмешливо. А мне эта дуэль не нравится. Как и то, чего со своего места не видит моя жена. Ладони на коленях Дашки сжимаются в кулаки.

Ох уж эта неоклассика. Новое прочтение эпоса "Две женщины на одной кухне". Пора вмешаться. Решительно поднимаю руки со стола.

– Ладно, девушки, давайте брейк! Дашуля подумает еще, взвесит и согласится, что лучше сделать, чем не сделать. Правда ведь, малыш? А в августе мы обратимся лебедями и махнем к морю, да? Мамка подбивает на Италию, между прочим! Соглашайся, пока она добрая!

Вроде бы я говорю уверенно и ободряюще, но не могу отделаться от ощущения, что несу какую-то чушь. Видимо, это слышно и Дашке. Она переводит взгляд на меня, и я вижу в нем горечь разочарования. Дочь опускает голову и молчит.

– Пусть сдаст экзамены сначала, – подает бесстрастный голос мама. – А уж потом решим, в кого нам обратиться.

После долгой паузы Дашка встает из-за стола.

– Пойду еще посплю, – угрюмо бросает она, не глядя на нас. – Может, хоть приснится что-то хорошее.

– Вот-вот, пойдя проспись, – кивает вдогонку Марго. – А после принимайся уже наконец за учебу.

Я поворачиваюсь к ней, когда за дочерью закрывается дверь в комнату.

– Что-то ты сегодня жестишь, мать, – говорю с упреком. – Нельзя ли поддипломатичнее с собственным чадом?

Она негромко хлопает ладонью по столу в знак того, что разговор окончен.

– Ты хочешь, чтобы наша дочь вместо дипломированного

специалиста стала самозанятым бездельником? – осведомляется Марго, хмуря брови.

– Нет, но...

– Никаких "но". На подростковые выкрутасы вестись нельзя. Жалость в таком деле плохой советчик. Будет учиться. В этом универе или в другом, но обязательно. Договор?

Я медлю с ответом. И всё же нехотя киваю. Моя жена бывает чертовски убедительна. И чаще всего оказывается права.

– Кстати, что за "желтый ангел"? – вдруг спрашивает она, заметно смягчаясь.

– Это из Вертинского.

– Понятно, – усмехается с иронией. – Искусство в неоплатном долгу.

Марго протягивает руку к телефону.

– Ну, допили кофе? Решаем! Салерно или Амальфи?

8.

Дверь гостеприимно отворяется, и перед нами предстает сияющее семейство Мелешко. Просторная прихожая позволяет увидеть их в полном составе и во всей красе.

Вот виновник встречи Стас – здоровенный белобрысый детина с торжественной, немного застенчивой улыбкой.

Рядом его жена Лара – изящная миниатюрная брюнетка с живыми любознательными глазами. Ее улыбка несколько другая, она как будто давно поселилась в каждой черточке этого выразительного лица и сходить с него уже не намерена.

И, наконец, двое очаровательных наследников – Леночка и Костик. Всем своим видом они излучают неподдельную радость и возбужденный интерес, словно около них вдруг во плоти возникли Дед Мороз со Снегурочкой.

Этот общий сбор так напоминает милую семейную фотографию, что мы с Марго не удерживаемся от смеха.

– Приве-ет! – слышится наш всеобщий дружный хор, служащий сигналом к началу долгожданного вечера.

Стас пробует отобрать у Марго предназначенные для Лары цветы, но я протягиваю ему картину.

– С днем рождения, дорогой! – произношу важно, с улыбкой наблюдая за его реакцией.

Новорожденный приятно удивлен, бережно принимает подарок. Лара, между тем, украдкой бросает озадаченный

взгляд на мою жену, а та, чуть приподняв брови, так же незаметно для Стаса коротко разводит руками и кивает в мою сторону.

– Класс! – восклицает он. – И как неожиданно! Спасибо, ребята! Отличный подарок! Давно пора было заиметь дома хоть одну картину, а то сплошные фотографии.

Стас озорно подмигивает Ларе, та согласно усмехается ему и нам. Дети тут же тянутся к подарку, но папа решительно прячет сверток за спину.

– Посмотрим потом все вместе.

– Хорошо, а пока навести-ка свое кулинарное чудо, а то уже подпахивает, – смущенно смеется Лара.

Хлопнув себя по лбу, Стас быстро доставляет картину в комнату и устремляется на кухню, по пути небрежно кивая нам.

– Проходите, чего встали в дверях, как не свои.

Лара благодарно улыбается полученным цветам и с интересом поглядывает на нас.

– Картина? – удивляется она.

– Не спрашивай меня, это его идея, – оправдывается Марго, подталкивая меня в бок. – Озвучьте на бис вашу аргументацию, маэстро.

– В спорной ситуации взял на себя, – повторяю бесстрашно. – На правах мужчины и лучшего друга.

Марго веско кивает Ларе. Та беззаботно пожимает плечами.

– Да, здесь не придерешься. Девчонки в пролёте.

Жена отвешивает мне шуточный подзатыльник, к восторгу Леночки и Костики. Я отвечаю ей поцелуем в макушку. Паритет восстановлен.

– Ничего страшного, – успокаивает Лара. – Кальян для дачного сезона, в основном ради моего папы. А у него тоже день рождения скоро, так что теперь не надо голову ломать над подарком. Спасибо, в общем. Я тоже не ожидала, признаться.

– Душа попросила подарок для души, – невозмутимо каламбурую.

– Блеск! – радостно восклицает Лара, улыбаясь мне. – Дима в ударе. Однако, не пора ли нам к столу?

Мы с Марго входим в гостиную. И тут же оказываемся в двойной осаде. С одной стороны наше внимание атакует шикарный праздничный стол, с другой – наступают неотразимые отпрыски Мелешко. Разумеется, они тоже получают свои подарки. На сей раз обходится без сюрпризов – флешка в виде неизвестного мне мультяшного персонажа Лене и альбом для наклеек Костику. Ну, а когда на пороге с благоухающим казаном появляется глава семейства, последние сомнения отпадают – праздник к нам приходит.

Искрометный юмор и несмолкающие разговоры, отменная еда и фееричность обстановки. Это и есть классический вечер в компании наших друзей, каким мы с Марго его знаем и с удовольствием вспоминаем.

Творческие дети не в силах усидеть за столом больше пяти минут, стремятся еще сильнее поразить нас своими способностями. Семилетняя Леночка вдохновенно напевает нечто вроде оперной арии проникновенным тоненьким голоском. А ее младший брат в ответ вскарабкивается на стул и декламирует стихи, театрально жестикулируя. За что под общий смех нарекается мной Костиком Станиславским.

Лара балагурит, Стас подыгрывает. Он пародирует, она подхватывает. Они шуточно пикируются, а мы чувствуем себя в первом ряду партера. Славная пара. Любимая нами обоими.

Мое знакомство со Стасом состоялось еще до их встречи. И с тех пор под влиянием жены он преобразился настолько, что мне иногда с трудом верится, что тот вдумчивый, немного замкнутый парень и этот обаятельный артист как-то взаимосвязаны.

Лара – неисправимый романтик и оптимист. Даже скорее "позитивист", для которого тезис "все будет хорошо" возведен в статус истины, не требующей доказательств. Сохранившая в себе восприимчивость ребенка, она посвящает себя организации детских праздников. Ее любимая фраза "Хорошие люди заслуживают особого отношения" могла бы стать удачным заголовком для какого-нибудь задушевного очерка о том удивительном пути, что она для себя выбрала.

Да, ее рассуждения о жизни и мировом порядке порой заставляют циников вроде нас с Марго многозначительно пе-

реглядываться. Но лично я уверен, что такие люди важны и необходимы. Они помогают видеть мир с лучшей стороны, когда собственных усилий для этого недостаточно. Заставляют разглядеть свет и сохранить надежду вопреки всему. Мне это не дано, потому кажется особенно ценным.

Что касается Марго, то она относится к Ларе как к родной сестре. Трогательно опекает и поддерживает во всем. Не решается спорить и лезть с нравоучениями, что для моей жены большая редкость и признак особой симпатии.

Вот только за столом в их доме я временами ловлю ее неподобающий ситуации грустный взгляд. А легкое дамское вино в бокале Марго тает быстрее, чем во время других наших совместных посиделок.

Ну, а мы со Стасом после обязательной по мнению наших дам бутылки шампанского резво повышаем градус. Этому предшествуют слабые женские протесты, уже ставшие неперменной застольной традицией. Но у моего друга всегда есть бутылка-другая такого деликатеса, перед которым устоять невозможно. Даже с точки зрения Марго и Лары.

В этот раз на нас двоих особенно благотворно действует кубинский ром. Он требует невозможного, так как сигар у Стаса нет, да и курить во владениях Мелешко допускается лишь на балконе, что не к лицу джентльменам, донам или как их там зовут. Потому мы берем с собой лишь пачку обычных сигарет, пользуясь благосклонностью девушек, согласившихся убрать со стола и заварить кофе.

Плотно закрывая дверь и распахивая балконную раму, мы с упоением вдыхаем свежий весенний воздух. Тут же отравляем его, закуривая. Какое-то время молча стоим в размышлениях, подсвечивая окружающие сумерки редкими отблесками горящего пепла.

– Ну, как ты? – прерываю я благословенную тишину.

Стас отвечает не сразу, задумчиво всматриваясь куда-то вдаль.

– Как-как. Завидую вам, – неожиданно произносит он.

Вопросительно смотрю на него.

– Вы умные. Честные. Живете с открытыми глазами, – тихо поясняет мой друг после долгой паузы. – Мы так не умеем.

– Вам и не надо. Вы другие, – возражаю в ответ.

Он глядит на меня с печальной хмельной улыбкой.

– Надо, брат. Мы живем в том же мире, что и все. Где кнут и пряник. В нашем с Ларкой мыльном пузыре комфортно и тепло, но однажды он может лопнуть, и что тогда? Мы не думаем о плохом, не смотрим новости, не касаемся тяжелых тем. Не впускаем реальность в наш дом. Делаем вид, что ее нет. Но однажды она напомнит о себе. И это напрягает, если честно.

Я успокаивающе обнимаю его за плечо.

– Не думай об этом. К неприятностям нельзя быть готовым. Здесь как в горах – главное, переть дальше и не смотреть вниз.

Стас усмехается мне. Затем снова сосредоточенно разгля-

дывает темноту.

– Когда родилась Ленка, я с ума сходил, знаешь. Что будет с девчонкой, какая жизнь с нами ждет. А потом привык. Втянулся. Когда появился Костик, радовался. Сын. У меня. И всё же не могу не думать. Порой кажется, что мы летим навстречу шторму на невесомых крыльях. Или плывем в лодке с бумажными веслами.

Дружески взъерошиваю его светлую шевелюру.

– У вас прочная лодка. И отличные весла. Поверь стороннему наблюдателю. Всё будет хорошо.

Он с надеждой смотрит на меня.

– Всё равно ничего не изменить, – говорит Стас, чуть приободряясь. – Я уже не могу без нее. И без них. Как без компаса в незнакомом лесу.

– И не надо. Будьте вместе. Всю жизнь. Нет повода для зависти. Все счастливы по-своему. И вы, и мы.

Он хмыкает и благодарно хлопает меня по спине.

В этот момент приоткрывается дверь и на балкон выглядывает Марго.

– Мужчины, бросаем сигареты, – командует она с усмешкой. – Торт остынет.

– И кофе зачерствеет! – доносится из комнаты озорной голос Лары.

9.

У подъезда нас встречает теплый майский вечер. Он напоминает диковинного зверя черной масти, в таинственных глазах которого, словно искры, отражаются огоньки фонарей, непогашенных фар и светящихся окон. Он мерно дышит запахами цветущей сирени и травы, душистой после первого покоса. Он разговаривает с нами пением ночных птиц, шелестом молодых листьев и поскрипыванием дворовых качелей. Он определенно нуждается в нашем с Марго внимании.

Моя жена в эти минуты похожа на притихшего ребенка. Беззащитного, робкого, ищущего помощи и жаждущего тепла. Прикасаюсь к ее руке. Эй, посмотри на меня. Именно я и есть тот волшебник, что доставит тебя в страну грёз. Туда, где нас с тобой ждут вечная жизнь и неисчерпаемое счастье.

Но сказка быстротечна. И этим прекрасна. В реальности мы с Марго просто немного подшофе после гостей, а в таком состоянии мне свойственна мечтательность.

– Как тебе этот милый фрагмент романтики? – спрашиваю, обводя глазами окрестный пейзаж.

– Прекрасно, – устало соглашается она. – Но я бы предпочла поскорее променять его на домашний уют. Сейчас вырублюсь. Где наше такси?

Машина появляется из-за соседнего дома почти сразу, величаво объезжает опустевший двор и останавливается ря-

дом, помещая нас в круг яркого света. Через несколько секунд мы уже мчимся через остывающий город, наблюдая за ним из-за стекол.

Марго поворачивает голову ко мне.

– Выглядишь неплохо, – шепчет она, чуть прищуриваясь. – Почти как трезвый. Хотя вас со Стасом было не оставить.

– Ну, у него же такие припасы, – оправдываюсь с улыбкой.

– Не пей больше, Беляев, – едва слышно и как-то трогательно просит Марго. – Ты такой хороший, когда не пьяный.

Она ласково гладит меня по плечу, прислоняется к нему и немедленно засыпает. А я остаюсь, чтобы наслаждаться ее теплом. Чувства пользуются удобным случаем и захватывают меня в плен, но я не могу и пошевелиться, не разбудив мою спящую царевну. Не получится даже поцеловать эти подетски приоткрытые губы. Что ж. Спи, моя радость.

Черный зверь с интересом заглядывает в окно, оценивает открывшуюся картину и решает развлечь меня давней историей, которую я должен помнить.

В ней рассказывается про юношу, который, по обыкновению прогуливая лекции в институте, забрел в кинотеатр. В пустующем зале готовился к показу очередной сеанс, а в пятом ряду задумчиво вглядывалась в белизну экрана симпатичная девушка. Она была одна. Без раздумий парень сел рядом и заговорил с ней.

– Привет, почему не на учебе?

Она взглянула недоуменно.

– Здрасьте, а вы еще кто?

– Журналист. Сарафанное радио, – невозмутимо бросил он первое, что пришло в голову.

Девушка посмотрела на него как на чокнутого и огляделась в поисках защиты.

– Не бойтесь, – тут же сказал парень и сердечно улыбнулся. – Со мной вы в безопасности. Просто я не смог пройти мимо. Меня зовут Дима Беляев.

Она, слегка замешкавшись, улыбнулась в ответ. И оглядела меня с любопытством.

– Маргарита, – произнесла девушка и чуть насмешливо добавила после паузы: – Вы хорошо подумали, Дима Беляев? Со мной легко не будет.

– Подумал плохо, – честно признался я. – Но уверен, что никогда об этом не пожалею.

И торжественно протянул ей мизинец. Она не без колебаний пожала его. Мы усмехнулись друг другу, будто давние друзья. Наверное, в другой жизни ими и остались бы. Но, увидев ее улыбку в тот первый раз, я сразу понял, что Марго станет моей женой.

После фильма мы долго гуляли по городу и разговаривали. Она оказалась откровенна и любознательна. Умна и остроумна. Наблюдательна и находчива. Щедра и бескорыстна. Энергична и деликатна.

Когда мы в тот день прощались у ее подъезда, и я приго-

товился записать номер телефона, Марго взглянула на меня испытующе.

– А ты правда позвонишь? – с сомнением проговорила она.

И еще она одинока и не уверена в себе. Но это был лишь очередной штрих к портрету девушки моей мечты. Да, я позвонил. В тот же вечер. На следующее утро. Стал звонить так часто, что она удивлялась, если это был кто-то другой. И хотя я не слишком сентиментален, тот номер на листке из записной книжки до сих пор хранится в альбоме с нашими фотографиями.

Чаще всего мы бывали в кино. И если для меня фильмы были развлечением и хобби, то для нее – настоящей отдушиной. Спасением от тех невзгод, что так рано обрушились на ее хрупкие плечи и сформировали независимый характер. В кинозале Марго забывала обо всем. А мне, неизменному спутнику в соседнем кресле, доставались на память то ее вспотевшая от страха холодная ладошка, то короткое всхлипывание во время проникновенной сцены, то заразительный звонкий смех, а то и едва слышное ругательство в адрес плохого парня. Я стал частью ее мира. И порой, на самых невыносимо скучных сеансах, она позволяла себе доверчиво вздремнуть на моем плече.

Как сейчас, когда мы с ней подъезжаем к нашему общему дому.

Марго вздрагивает во сне и просыпается. Так иногда бы-

вает, если слишком громко думаешь о ком-то.

– Я всё же уснула, – лепечет она и сонно глядит на меня. –

Ты тоже спал?

– Нет. Я даже успел посмотреть один старенький фильм.

– О чем?

– Пожалуй, о настоящей любви.

– Ого, – потягивается Марго. – Если старенький, то я не помню, наверное.

– Это ничего, – нежно шепчу в ответ. – Когда-нибудь мы посмотрим его снова.

Я наклоняюсь к ней. Теперь ее губы в моей досягаемости.

10.

Утренние лучи проникают в комнату и вскоре находят то, что ищут. Рыжеватые локоны Марго они окрашивают в нежно-золотистый, а ее профиль подсвечивают столь искусно, что тот становится чрезвычайно сексуальным.

Какое-то время люблюсь, чутко вслушиваясь в ровное дыхание. Наконец, осторожно придвигаюсь ближе. Как бы ни была она прекрасна во сне, я уже заждался наяву.

– Доброе утро, радость моя.

– Беляев, дай поспать, воскресенье на дворе, – бормочет Марго, но не отстраняется.

– Пора просыпаться. Солнышко уже встало.

– Да, я чувствую. И не только оно, – усмехается она, поворачивая ко мне лицо. Слегка припухшее после сна, но по-прежнему неотразимое. – Ты чего не спишь?

– Как можно спать, когда рядом такая женщина, – приподнимаю бровь, кладя ладонь ей на грудь.

– Ишь ты, какой храбрец выискался, – кокетливо взмахивает ресницами красotka. – Про Дашку забыл?

– Мы одни. Она ушла, я слышал, – улыбаюсь я и подмигиваю в ответ.

Марго тут же приподнимается на локте, бросает обеспокоенный взгляд на часы. Затем вдруг вскакивает с дивана и бежит в прихожую, поблескивая босыми ногами.

– Что случилось? – выкрикиваю вслед, но она уже исчезает в Дашкиной комнате.

В голове успевает промелькнуть мысль поучаствовать в этом поиске неизвестно чего, но Марго почти сразу возвращается.

– Ноут здесь, – говорит она с заметным облегчением, поправляя бретельку ночной рубашки. – Значит, скоро вернется.

– Конечно, вернется. А с чего ты переполошилась? – удивляюсь я.

– Не знаю. Не по себе что-то, – неуверенно произносит Марго и смотрит на меня.

– Это почему?

Она медлит с ответом.

– Я не чувствую ее больше. Не считываю. И это меня тревожит, – говорит Марго, продолжая вглядываться в мое лицо. Затем добавляет после паузы: – Почему она молчит почти всё время? Не рассказывает ничего. Отвечает односложно. Или просто смотрит исподлобья, как вчера. Будто мы чужие. Мне непонятно, что у нее на уме. А тебе?

– Брось, она практически взрослый человек, – отвечаю успокаивающе.

– Что мы знаем о ней? – вновь заговаривает она, будто не слыша моих слов. – С кем наша дочь проводит время? Куда уходит, пока мы спим? Утром в выходной. Ты вообще замечаешь, что у нас нет информации?

– Ну, ясно. Денёк начинается, – роняю чуть раздраженно и тянусь за телефоном. – Я замечаю, что мы уже потрахаться нормально не можем. Даже в воскресенье. Даже когда ее нет дома.

– Ах, да, конечно. Всё время забываю о твоей привычке отворачиваться от проблем, – замечает Марго с презрительной усмешкой.

– Каких проблем? – вскидываю глаза на нее. – Ты говоришь так, будто она единственный человек в мире, которому скоро стукнет семнадцать. И будто не помнишь себя в этом возрасте.

Прозвучало звонко, но бестактно. Мысли в очередной раз не успели за моей речью.

Марго скрещивает руки на груди и прислоняется к дверному косяку, буравя меня жестким взглядом. Сигнал "жди беды".

– Ну отчего же, – слышится ледяной голос. – Помню весьма отчетливо. Когда я была в этом возрасте, мама уже семь лет как лежала в могиле, а папа почти столько же времени жил с другой семьей. Я осталась делить квадраты с бабушкой, которую и обслуживала, пока не похоронила. День за днем покорно выслушивая весь неблагоприятный бред о том, какая я глупая и криворукая. И чувствуя себя долбаной Золушкой.

– Марго... – пробую остановить разгорающийся огонь. Но поздно.

– Только не забывай, что Дарья выросла в полноценной семье! – сверкает она глазами. – С двумя родителями! Которые знают, что не слышат ее, но им в целом похер на это!

Внезапно из пожарного я превращаюсь в поджигателя. Задетого за живое.

– С двумя родителями? – недобро усмехаюсь в ответ. – Да-да. Только одна из них воспитывалась без матери и с отцом, нашедшим способ самоустраниться. А другой – без отца и с мамой, посвятившей себя ученикам и тетрадкам. Откуда взяться вниманию, о котором ты говоришь? Ты сама видела его? Понимаешь, чем можешь помочь Дашке? Хотя бы в чем состоит реальная помощь? Что, погоним ее к психологу, чтобы она уж точно сбежала из дома? Она прекрасно видит, кто мы такие. И потому молчит. Учится справляться. И правильно делает. Наша дочь гораздо самостоятельнее, чем были мы оба в ее возрасте.

Марго стоит без движения, сжав побелевшие губы. Может, хотя бы теперь подойдет и как следует даст мне в глаз? Я и сам знаю, что заслуживаю этого.

Но она снова начинает говорить. Негромко и с горечью.

– Если ты считаешь, что мы неспособны быть нормальной семьей, есть прекрасный способ разом снять все вопросы. Можешь развестись со мной. Когда Дашка от нас сбежит, к чему ты, похоже, готов. Давай, смелей. Я не стану возражать. Мне не привыкать к мужскому безразличию. А теперь и ей тоже.

Марго сдергивает со стула халат и собирается выйти из комнаты, но на пороге оглядывается:

– Знаешь, я жалею, что сегодня воскресенье. Лучше бы пошла на работу. И ты. Там бы и потрахался.

С этими словами она устремляется в ванную.

Я сижу, прислонившись затылком к стене. Вдыхаю и выдыхаю. Пошарив рукой по тумбочке, нахожу сигареты и зажигалку. Чиркаю и затягиваюсь, бессмысленно глядя перед собой.

Воспоминание приходит будто бы между прочим. Несмело поворачиваю голову к двери.

– Кстати, мы приглашены в гости! Сегодня в семь! Сходим, развеемся?

Ответом молчание и приглушенный шум воды. Нет, пока совсем не "кстати". Рановато разряжать обстановку. Но можно попробовать позже.

11.

Катранов живет у двоюродной сестры Ирины. Их квартира на самой окраине города – в районе, где мне прежде бывать не приходилось. Но я отважно отправляюсь в это путешествие, даже зная, что от метро придется как следует пройти пешком. По дороге покупаю цветы для хозяйки и бутылку сухого к столу, отчего выгляжу потенциальным участником романтического свидания. Видимо, за него меня и принимают прохожие, которых приходится дважды останавливать с просьбой указать направление.

Марго лучше ориентируется на местности, и я конечно же предпочел бы поехать с ней, но мы так и не помирились. Вскоре после молчаливого завтрака она собралась и уехала, оставив меня наедине с предложением приятно провести вечер в гостях у незнакомых ей людей. Уже позже я вспомнил, что на сегодня у нее была запись к стоматологу. Что ж, стало быть, мой домашний хищник станет еще опаснее. Может быть, хотя бы это в следующий раз убережет меня от того, чтобы в разговоре с ней касаться запретных тем. Раз почти двадцать совместных лет этому не научили.

Дом по адресу, продиктованному Катрановым по телефону, оказывается когда-то статным и архитектурно модным, а ныне усталым от времени и длительного отсутствия фасадного ремонта шестиэтажным строением. Мне сразу прихо-

дит мысль, что оно идеально подходит для того, чтобы в нем встречал наступающую старость именно такой человек.

Он и распахивает дверь после моего звонка. В белой рубашке с расстегнутым воротом, с гордой осанкой и обаятельной улыбкой на проницательном лице Катранов выглядит непривычно торжественно, словно радушный хозяин элитарного кафе. Тепло поприветствовав и позволив мне войти, он отступает на шаг, чтобы насладиться моим свершившимся визитом. После чего поворачивает голову и зычно выкрикивает:

– Ирина Батьковна! Выходи строиться! – он окидывает меня веселым взглядом. – Поклонник к тебе! С цветами!

– Во-первых, не Батьковна, а Борисовна, – доносится приближающийся женский голос. – А во-вторых, что ты там несешь про поклонников, постыдился бы.

В прихожей появляется невысокая миловидная женщина, на первый взгляд помоложе Катранова и постарше меня. Замечая букет в моих руках, она смущенно улыбается. В ее руке обнаруживается ложка, которой она, не глядя, легонько ударяет брата по лбу.

– Балбес, – говорит она ему и, уже обращаясь ко мне, сердечно добавляет: – Здравствуйте! Мы с Виктором очень рады вас видеть! А эти цветы... неужели они для кого-то из нас?

Я молча протягиваю букет ей, и женщина, чуть поколебавшись в трогательном удивлении, прижимает его к себе.

– Благодарю, – проговаривает она, застенчиво заглядывая мне в лицо. – Не стоило тратиться на такую красоту, но мне приятно. И, прямо скажем, неожиданно. Но... похоже, вы к нам без компании?

– Да, а где жена и дочь? – подхватывает Катранов, прищурившись.

Я бормочу что-то насчет внезапного зубного Марго и мифических подружек Дашки. Но подробных объяснений от меня и не требуется.

– Главное, что сам пришел, – энергично встряхивает распушенной гривой Виктор. – И молодец.

– Да, вот если бы девушки приехали без вас, вышло бы комично, – приятно улыбается Ирина. – А так вы сможете вернуться домой и спокойно сообщить им, что мы и правда не кусаемся.

У нее доброе и интеллигентное, несколько изможденное лицо. Они с Катрановым чем-то неуловимо похожи. И сходство это касается не столько внешности, сколько событийности жизни, наполненности ее переживаниями и испытаниями. Но если брату пришлось пострадать за бесшабашность и необузданность характера, то сестра выглядит как совестливый идеалист, которому не хватает воли и энергии, чтобы справиться с суровой реальностью.

Они приглашают меня в единственную комнату. Обстановка в ней скромная, ее трудно сравнить с нашей современной "двушкой" и, тем более, с шикарным жилищем се-

мейства Мелешко. Старомодная мебель, в том числе расставленный посреди складной обеденный стол с угощениями. Включенный кинескопный телевизор. Потертые бумажные обои с розовыми лепестками, черно-белые фотографии на стенах. Да, проживающие здесь с честью несут в себе память об ушедшем. Как и дом, в котором они живут.

– Итак, Ириш! – раскатисто заговаривает Катранов, когда мы садимся за стол. – Вот тебе и живая память о моей молодости!

Он с улыбкой смотрит на меня и в самом деле ностальгически задумывается.

– Один город, один двор, соседние дома, – произносит он тише, но тут же снова взрывается радостью: – Даже спортплощадка одна! В футбол как играли помнишь, Димуль?

– Опять ты про футбол ваш, – со смехом перебивает мой кивок Ирина. – Будто вспомнить больше нечего.

– Ну, а что еще, – возражаю с усмешкой. – Я же пацан совсем был, кто меня тогда замечал. До Вити и его дружков мне было еще расти и расти. Стеснительный, мелкий, щуплый. В бейсболке ходил.

– Точно! – вспоминает Катранов. – Три пятерки на ней были нарисованы, да? Я еще тебя "пятерочником" назвал как-то?

Я смеюсь, кивая.

– Это не важно, в конце концов, – деликатно улыбается Ирина. – Главное, вы нашлись, и Дима здесь, с нами, за од-

ним столом. Так мало воспоминаний о том времени. А хороших и того меньше.

– Молодец, мать, – одобряет брат, разливая вино по бокалам. – Практически идеальный первый тост. За добрые воспоминания, над которыми не властно время.

Мы выпиваем, и разговор постепенно становится всё более оживленным и доверительным. Они спрашивают меня о работе, о семье. О том, как я провел эти годы. Сами рассказывают о том же. Не касаясь тюремного прошлого Виктора. Это грустная тема, а мы собрались для встречи в приподнятом настроении.

Выясняется, что Ирина – ветеринар с многолетним стажем, любимица всех окрестных питомцев и их хозяев. Меня это не удивляет. Кажется, что ее участливые глаза сами по себе являются действенным лекарством. Хорошо, что именно такой человек оказался рядом с Катрановым, продолжает поддерживать и его самого, и его пошатнувшуюся жизнь.

Сам Виктор много и возбужденно вспоминает, интересно и эмоционально рассказывает, то и дело играя голосом и лицом. Мне приятно снова видеть его таким. И лестно надеяться, что я хотя бы отчасти причиной тому, что за столом оказался если не сам легендарный Витёк Катранов из девяностых, то по крайней мере его близкий родственник и единомышленник.

Наконец, Ирина собирает тарелки и уносит на кухню, оставляя нас наедине.

– Славная у меня сестренка, верно? – провожает ее теплым взглядом Катранов. – Единственный близкий мой человек. Не знаю, как бы справлялся без нее. Терпит мои закидоны, ни словом не попрекает. Хозяйственная, заботливая. Чудо, а не человек.

– А что с мужем? Это он? – киваю я в сторону фотографии солидного не улыбочивого мужчины.

– Да, – отвечает он нехотя. – Рано умер. Иришка осталась одна совсем, больше замуж не выходила. Однолюбка, так бывает. И бездетная.

Я сочувственно молчу, но недолго. Вино действует на меня даже в малых дозах, становлюсь любопытным.

– А ты? Что ж не женишься?

Катранов криво усмехается.

– Староват я для этих дел. Женщина в мужской жизни – это ж как кредитная фирма. А мне это уже ни по силам, ни по карману, ни по терпению не годится. Поздновато в исполнители желаний. На таком транспортном средстве до женского счастья не доедешь.

– А как же любовь? – ухмыляюсь ему.

Он смотрит на меня с философской улыбкой.

– Любовь – это хорошо. Но силы слова надолго не хватит. Чувству нужны материальные подтверждения, иначе оно превращается в сказку про розового амурчика. Разве твоя жена другого мнения?

Я вспоминаю Марго и озабоченно почесываю затылок.

– И потом, брат, не будем лукавить. Я уже далеко не тот, кого когда-то любили девушки, – говорит он с горькой иронией. – Ни внешне, ни внутренне. Жизнь махнула далеко вперед, а Витя Катранов остался где-то позади. Слишком много времени потерял, не наверстаешь.

Подумав, я вдруг решаюсь спросить:

– А что с Чулиным, с Лагутиным? Ты что-то знаешь о них?

Переход от женщин к превратностям прошлого получается настолько внезапным, что нам обоим требуется время для перезагрузки. Лицо Катранова застывает и покрывается морщинами. Он вглядывается мне в глаза, словно оценивая праздность моего интереса. Затем его лоб вновь разглаживается.

– Про Чулина не слышал давно, – роняет он небрежно. – А вот Лагутина видеть доводилось. Стал коммерсантом каким-то. Такой современный, деловой, с животиком. Не сразу узнал его, когда встретил. Сын подрастает, уже с него ростом. Такой же тихоня, каким сам Лагутин был когда-то. Я не думал, что ты еще помнишь. Его и Чулу.

Виктор снова смотрит на меня изучающе, затем разливает нам остатки вина.

– Помню, хотя знаю не всё, – отвечаю спокойно, но сам жалею, что затеял никчемный разговор.

– Давай выпьем, – поднимает рюмку Катранов. – Первый тост был за добрые воспоминания, а последний пусть будет за то, чтобы нам не приходилось вспоминать о плохом.

Я с готовностью и облегчением опустошаю рюмку.

В комнату возвращается Ирина, деловито окидывает взглядом стол, ставит перед нами тарелки и чашки.

– О чем разговариваете, господа? – осведомляется она, хлопоча.

– О современной морали, – не моргнув глазом, отвечает Виктор и поворачивается к телевизору. – Посмотри, что ты нам тут включила!

Я впервые обращаю внимание на экран. Кто-то неумело поет, ужасно кривляясь. Зрители гомерически хохочут.

– И что такого? – удивляется она.

– Считаешь, это нормально? – недоуменно вскидывает брови Катранов.

Ирина насмешливо подбоченивается.

– К твоему сведению, сейчас вечер воскресенья. А в такое время телеканалы показывают свои лучшие передачи. Так что отключи мозг и наслаждайся.

– Опасное это занятие, – неприязненно отворачивается он от телешоу. – Можно привыкнуть. И разучиться его включать, когда это действительно нужно. Наверное, у меня испорченный вкус. Но лучше я подожду ночи, когда лучшие, но бездарные сменяются худшими, но талантливыми.

– Да, Виктор Васильич, ты тот еще фрукт, – вздыхает Ирина, любовно поглядывая на брата. – Я бы даже сказала, кадр. Но фирменный пирог с черникой ты всё же заслуживаешь!

Она приносит из кухни большое ароматное блюдо, и мы

переходим к чаепитию. Садясь за стол, Ирина вновь бросает взгляд на телеэкран.

– А вы, Дмитрий? – интересуется она с легкой улыбкой. – Вы тоже противник вульгарности?

Я смотрю на нее. На Виктора, невозмутимо клюющего вкуснейший пирог сестры. И в этот момент понимаю, как мне необычайно, удивительно хорошо рядом с ними.

– Скажите, – говорю неожиданно для самого себя: – Нет ли у вас дома фотоаппарата?

Ирина и Катранов удивленно переглядываются.

– Вроде был старый какой-то, – неуверенно роняет она. – Но он без пленки давно.

– А телефон у вас какой? Камера хорошая?

– Старенький, – смеется она стыдливо. – Всё у нас старое и заношенное, Дима.

Я достаю смартфон.

– Тогда разрешите мне на свой.

– Что разрешить? – не понимает Виктор.

– Как что? Хотел бы вас сфотографировать. Думаю, не ошибусь, если предположу, что в вашей коллекции нет совместного снимка.

Они в замешательстве смотрят друг на друга. Ирина нерешительно улыбается, Катранов озадаченно чешет бровь.

– Не знаю, не люблю я этого, – бормочет он, недоверчиво косясь на гаджет.

– Да я как-то... не причесана, – сомневается она.

– Ничего не желаю слушать! – восклицаю повелительно и обращаюсь к Катранову: – Сядьте ближе и обнимите даму.

Он поглядывает то на меня, то на нее. Она насмешливо наблюдает за его колебаниями. Как и я.

Наконец, Катранов как-то обреченно вздыхает, пододвигается к сестре и с серьезным видом кладет ей руку на плечи. Ирина заливается звонким смехом. В этот момент я щелкаю фотокамерой. Оцениваю получившееся изображение и удовлетворенно протягиваю телефон им.

Она смотрит, и ее лицо становится необыкновенным. Каким-то детским, светящимся от нечаянного счастья.

Виктор скупно усмехается, но и в его глазах я замечаю что-то трогательно-непосредственное.

– Какое чудо! – вскрикивает Ирина восхищенно. – Надо непременно распечатать и повесить в рамку. Да, братец?

Она порывисто чмокает его в щеку и снова радостно смеется.

– Организуешь? – спрашивает он с неловкой улыбкой.

– Конечно, о чем речь! – взмахиваю рукой с видом фокусника.

Ирина выхватывает телефон у меня из рук и призывно смотрит на брата.

– А теперь! Снимок номер два! Сядь рядом с Димой, я и вас щелкну на память! – торжествуя, приказывает она.

Спротивление бесполезно. Вскоре Виктор оказывается рядом, и мы послушно заглядываем в объектив.

– Есть! – восклицает Ирина весело. – Смотрите.

– Хватит, – ворчит Катранов. – Дома посмотрит. Тоже мне, фотогафиня. Чай вон остывает.

Я прячу телефон в карман. В эти мгновения мне хочется любоваться на них обоих. И удивляться, как простая вещь может приводить людей в такой трепет. Омоложивать их прямо на глазах.

Мы еще какое-то время разговариваем, но затем я смотрю на часы и понимаю, что засиделся.

Катранов вызывается проводить меня до метро и отказывается слушать возражения.

Ирина провожает нас до дверей, согласно кивая брату.

– Вы приходите, – говорит она мне с любезной улыбкой. – Мы рады гостям. А таким особенно. Давайте дружить. Приводите супругу и девочку. Уверена, что мы найдем общий язык.

– Я в этом ни на секунду не сомневаюсь. Мы давние поклонники хороших людей, – почтительно улыбаясь, отвечаю я. – Так что ждите в гости.

– Спасибо. За разговоры, доброту и настроение. А еще за светлое прошлое и его случайные подарки, – проникновенно произносит Ирина на прощание.

12.

Когда мы выходим из подъезда, уже догорает закат. Красноватые отблески местами пробиваются сквозь конвой перьевых облаков, но соперничать с искусственным освещением им уже явно не под силу.

– Вот и еще один день собрался в отставку, – слышу задумчивый возглас Катранова. Он неспеша достает сигареты и протягивает мне, не сводя глаз с меркнувшего горизонта. – Покойся с миром и пришли достойного сменщика.

– Ты каждый день провожаешь с почестями? – удивляюсь я.

– Не всегда получается, а следовало бы, – откликается он после паузы, затягивается и вдруг начинает размеренно декламировать: – "Стою в раздумье над прошедшим днем, как в ожиданье радости неспетой..."

Смотрю на него с недоверчивой улыбкой. Катранов продолжает поглощать закат глазами.

– Ты еще и поэт?

– Это не я. Никольский. Костя.

– Симпатично, – выпускаю облачко сигаретного дыма в остатки светила. – Красивые слова для романтических девочек. Но странно слышать от тебя.

Он улыбается мне, как неразумному ребенку.

– Оценивать минувший день и себя в нем важно, даже

необходимо. Парень знал, о чем писал. Попробуй как-нибудь.

– Оглянуться на прошедшее? – криво усмехаюсь в ответ. – Ну уж нет. Жизнь у нас такая, что каждый день хочется поскорее выбросить из головы. А они так и идут косяком, один веселее другого. Хотя в целом почти ничем не отличаются. Как говорится, "оптом дешевле".

– Жизнь обычна своей непредсказуемостью, – изрекает Катранов таинственно. – Нам кажется, что мы всё в ней понимаем, просчитываем и решаем. Но именно в этот момент она закладывает новый вираж, и мы опять вынуждены приспособливаться. А всё потому, что состоит она из вот этих крохотных звеньев. Из дней. Каждый из которых может стать самым главным. И самым последним.

– Этому тебя в тюрьме научили? – подмигиваю ему шутливо.

Он отвечает снисходительным кивком. Но когда поднимает глаза на меня, его лицо становится серьезным.

– И да, и нет. Учить меня там было некому. Но время в камере тянется так медленно, что ты поневоле вынужден учиться думать. Рассуждать. Понимать. Прощать. Чтобы удержаться на плаву, остаться человеком. Время и есть мой учитель. Без него бы я загнулся. От тех самых одинаковых дней, о которых ты упомянул. От чувства вины. От всего, что осталось на воле.

Катранов щелкает зажигалкой и вновь закуривает, осве-

щая загрубевшие пальцы и глубокие морщины. Долго разглядывает мерцающий огонек сигареты. Затем снова начинает говорить. Теперь это тяжелый глуховатый голос, больше похожий на скрежет.

– Нагрешил я, Димуль. По молодости, по глупости, по горячке. Наделал дел. Мать загнал в могилу. И даже хоронили ее другие вместо меня. Красивая добрая женщина была. Всё не верила, что меня посадят. Рубашки мне гладила, обеды готовила. Ждала, терпела. Пока силы были.

Он встряхивает головой. Смотрит на меня изучающе.

– А у тебя мать жива?

– Жива, – нехотя отвечаю я.

– Дай Бог здоровья, – улыбается Катранов приветливо. – Как чувствует себя, как поживает? Звонишь, навещаешь?

– Нерегулярно, – зачем-то говорю правду. – Мы не очень дружим.

Он молча разглядывает меня. Затем вдруг задает вопрос, к которому я не готов.

– А с женой и дочкой тоже не очень дружишь?

Это звучит так располагающе мягко и добродушно, что я не сразу понимаю суть сказанного. Катранов ласково улыбается, наблюдая за мной. Будто за младшим братом, который впервые садится на велосипед.

– Ты пронцательный мужик, как я посмотрю, – замечаю ему, стараясь скрыть растерянность. – И скорый на выводы.

Он продолжает ждать. Наступающая темнота постепенно

размывает его фигуру, но глаза я вижу отчетливо. И что-то в них заставляет меня заговорить откровенно.

– Да непросто всё. Запутанно. Мы семья, но не общаемся по душам. Мы рядом, но почти не замечаем друг друга. Мы самые близкие, но никак не можем договориться. Всё чего-то ждем, какого-то внимания, каких-то чувств. Но никак не дождемся, и потому постоянно разногласия, придирки, разборки. Дурдом на променаде, короче.

Катранов выдерживает паузу и удовлетворенно кивает. В последний раз затягивается и выбрасывает окурочек.

– Всё начинается с простых истин. С азов, – заговаривает он спокойно и неторопливо. – Мы привыкли видеть себя особенными. Избранными. Каждый надеется, что достоин лучшего. Да еще считает себя в праве судить, как должны жить все вокруг, по какой справедливости. А на самом деле мир не вращается вокруг нас. Мы всего лишь муравьи, возомнившие себя хозяевами леса. Забывшие о том, что он только крохотная деталь в общей обстановке. А если так, то способ улучшить ситуацию вокруг – это самим стать полезными. Настоящими. Убрать пыль и мусор внутри. Выбросить то, что мешает. Ненависть, зависть, лицемерие, праздность. Отыскать на дне этого кавардака доброту и поднять ее наверх. Только найдя равновесие в своей душе, можно услышать и понять других. Даже самых близких.

На протяжении своего монолога Катранов воодушевляется всё сильнее. Но мне лишь хочется, чтобы он поскорее за-

кончил этот поток правильных слов. Они не проникают в меня. Или уходят, как в песок.

– Ты до этого тоже в тюрьге додумался? – спрашиваю я со сдержанной иронией.

Несколько секунд он пристально смотрит мне в глаза. Затем ухмыляется, опуская голову. И вдруг хватает меня за плечи и с силой встряхивает. Я немаленький парень, но с удивлением чувствую, как подсакиваю на месте. Покачнувшись, едва не падаю, но в последний момент руки Катранова удерживают меня. Я ошеломленно смотрю на него и вижу перед собой пылающие огнем глаза. Мне кажется, что этот страшный по силе взгляд проникает внутрь меня. Куда-то в ёкнувшее сердце. В окаменевшую душу.

Я не сразу решаюсь пошевелиться. А Катранов разворачивается и уходит. Отойдя на несколько шагов, оглядывается.

– Ну? Чего застыл, Димуль? Пора к дому, девчонки не дождутся, – бросает он и беззаботно усмехается.

Часть вторая

1.

Как и напороочил Катранов, девчонки не дождались. Когда я добрался до дома, обе уже спали. Или делали вид. А утром предсказуемо разошлись, оставив меня в одиночестве.

Открываю глаза и вижу перед собой пустую подушку Марго. Пошарив по ней рукой, нащупываю длинный волос и долго разглядываю его. Представляю, как моя жена накануне ложилась одна. Заставляя себя не обращать внимания на пустующую половину дивана. Радоваться, что одеяло в ее полном распоряжении, и что никто не будет храпеть под ухом. Вижу, как она перед сном привычно листает ленту, оценивает свежие записи друзей, просматривает рецензии на новые фильмы. Как любит красивыми морскими видами и пышной архитектурой прибрежных отелей. Надеется хоть когда-то до них долететь. Со мной и Дашкой. Или уже без?

Настроение сопливое, хотя майское солнце в компании с певчими птицами старается как может. Но тоска – явление всесезонное, как ни жаль. А может, дело в наступившем понедельнике.

Прошлепав на кухню, останавливаюсь на пороге, оглядывая пустующий стол в окружении трех табуреток. Завтракать желания нет, заставляю себя сварить кофе. С кружкой в ру-

ке сажусь спиной к окну, делаю первый глоток. Бурда у меня получилась, как обычно. Беру телефон, но скоро откладываю в сторону. Новости, спортивные результаты, котировки, ролики "смотреть до конца"... Ничего не греет. Видимо, интерес к ним просыпается только когда рядом есть кто-то нуждающийся в моем внимании.

Я вижу себя со стороны. Нескладная фигура в майке и трусах. Победенная ранней лысиной голова, склоненная над скатертью. Рука с полустершейся армейской наколкой потирает темнеющую на бледных щеках щетину. Маленькие глазки под кустистыми бровями неторопливо оглядывают своего обладателя. Фиксируют седеющие волоски на руках и груди. Постепенно, но уверенно заплывающее жиром когда-то спортивное тело. Белые ноги с худыми икрами, изнеженные сидением в офисном кресле и автомобильными поездками.

Шикарный экземпляр, ничего не скажешь. Нет ли у вас кого посимпатичнее, эй? Кого-то более похожего на одушевленное существо?

Поразмыслив, несмело возвращаю в руки телефон. В недавних исходящих и пропущенных искать бесполезно, потому сразу открываю контакты и нахожу номер. Смотрю на него и медлю.

Странно, не могу решиться. Мозг предательски шепчет, что сейчас не время, пора бриться и собираться на работу. Сегодня этот шепот мне особенно противен. Может быть,

это и становится последним аргументом "за". С силой нажимаю на зеленую кнопку.

Гудки лениво тянутся друг за другом, будто на той стороне тоже раздумывают, глядя на мой номер. Когда я уже готов дать отбой, там отвечают.

– Алло, говорите, – спокойно произносит женский голос со знакомой хрипотцой.

– Привет, мам. Это я.

Беспечность моей интонации старается обмануть нас обоих, но ей недостает убедительности.

– Здравствуй, сын, – помолчав, сухо говорит мама. – Что-то случилось?

– Почему что-то должно случиться?

Невинное удивление. Снова не засчитано.

– Потому что в последний раз, когда ты звонил не по праздникам, тебя выставили из дома за пьянство, – слышится ее бесстрастный голос.

А вот мама не фальшивит. Горькая правда без никчемной маскировки.

– Я давно не пью, ты же знаешь, – вяло возражаю, начиная жалеть о внеплановом звонке.

– Я уже всё сказала по этому поводу. Тебе жить. Учить тебя поздно, да ты и так всё понимаешь, не маленький. Что у вас произошло?

Поглядываю на часы.

– Ничего, мам. Я звоню просто так. Узнать, как ты пожи-

ваешь.

В трубке воцаряется молчание.

– Мам? Ты здесь?

– Да, – слышу я после паузы.

– Как твои дела?

– Нормально. Какие дела у педагога с полувековым стажем, которого отправили на пенсию, – отвечает она с горькой иронией. – Прогулки, книги, мысли. Отыскала на антресолях старые пластинки. Лемешев, Шаляпин, Вертинский, Шульженко... Мамины еще, помнишь? Вот, слушаю. "Отцвели уж давно".

– А телевизор? Работает?

– Не заставляй меня смотреть это, – отрезает мама брезгливо. – Душа не принимает. Пошлость, неправда и при этом непомерный апломб. А по сути бездарность, возведенная в абсолют.

– Так это везде сейчас. Понты и деньги подменяют всё.

– Нет, почему. Недавно была на хорошем спектакле о Раневской. Здесь кое-кто считает, что с возрастом я становлюсь на нее похожей.

Ее короткий выразительный смех лишь подтверждает эту ассоциацию.

– Ого, так это комплимент! – с улыбкой замечаю я.

– Не думаю, что мне хотел сказать приятное сосед, которого я отругала за громкую музыку, – с достоинством усмеяется мама. – Еще и слушает всякую дрянь. А дать сдачи не

может. Одинокой пожилой женщине.

Она говорит с каким-то театральным вызовом, но на последнем предложении ее голос будто дает трещину. Так напоминают о себе горечь и обида, которые от меня пытались скрыть. Я обжигаюсь, спотыкаюсь об эти слова. Тут же теряю свою осторожную улыбку.

– Мам... – начинаю я робко, затем вдруг выпаливаю: – Ну, хочешь, мы приедем к тебе?

Она невесело фыркает.

– "Мы"? О ком ты говоришь? Ты, твои жена и дочь? Сам-то веришь, что это случится?

Прямо и беспощадно. Вот почему с ней так трудно общаться. Даже мне.

– Но мы всё же семья, не забывай.

Моя попытка защититься выглядит настолько жалко, что мама смягчается.

– Во всяком случае, мне не нужны визиты вежливости. Приезжай сам. Только если в самом деле захочешь увидеться.

Ее голос кажется суровым, но я чувствую затаенную надежду. Интуитивно, скорее.

– Я приеду, – говорю уверенно, хлопая ладонью по столу. – Только дела раскидаю. То есть скоро. А пока мне пора на работу. Рад был тебя...

– Подожди, – слышу ее напряженный голос.

Я умолкаю и прислушиваюсь к тишине в трубке.

– Раз уж ты позвонил сам и без повода, я скажу, – наконец, говорит она решительно. – Послушай. Я не осуждаю тебя. Ты живешь, как умеешь. Как у тебя получается. Как может. Ты, Рита, Дарья – вы семья, ты прав. Только помни об этом постоянно. Живи этим. Дыши. Я знаю, как порой трудно оставаться приличным человеком. Это было нелегко и в мое время, а сейчас – могу себе представить. Но вы сможете. У вас полно времени и сил. Я хочу, чтобы вы были счастливы. Только тогда вся моя прожитая жизнь будет иметь хоть какой-то смысл. Ты... понимаешь меня?

Чувствую, как мой лоб идет морщинами, а брови самопроизвольно складываются домиком. Я прикрываю глаза, раздумывая над ответом.

– Ничего, мам. Мы еще поборемся. Как это... "Но, не правда ли, зло называется злом даже там, в добром будущем вашем..."

– О боги. Ты еще помнишь Высоцкого. Значит, не всё потеряно.

Она говорит насмешливо, но в ее голосе явственно чувствуется облегчение.

– Беги на работу. И приезжай, как сможешь. Один или со своими дамами.

Закончив разговор, кладу телефон и задумчиво смотрю на него. Затем спохватываюсь и бросаю взгляд на часы. Прежде чем вскочить из-за стола, залпом опустошаю кружку. Неплохой вкус, кстати. Или я полюбил холодный кофе.

2.

Рабочий день начинается с того, что в нашу комнату внезапно заглядывает шеф. По счастливой случайности, на месте оказываются почти все. Кроме Танюхи. За нее отдуваются букеты цветов, которые в пятницу она так и не забрала. Они же являются смягчающим фактором, хотя бы косвенно способным объяснить ее отсутствие. Других придумать мы всё равно бы не успели.

Но этого и не требуется. Деловито осведомившись, как наши дела, и получив заверения, что всё идет прекрасно, Михаил Олегович объявляет, что Танюхи сегодня не будет. С тем и удаляется, заставляя нашу пятерку недоуменно переглянуться.

– Я правда это видела? – первой высказывается Маринка Векслер, провожая шефа долгим взглядом. – Он уже приносит весточки от Танюхи? Быстро работает подруга, ничего не скажешь!

В ее голосе изумление, смешанное с завистью. В пятницу Маринка первой бросилась на шею новорожденной, восторженно осыпая ту поздравлениями.

– А чему удивляться-то? Может, ты думала, что пятничный перформанс на кухне был ради нас? – фыркает Наташа Туманова, милейшая мама троих детей. – И зачем ему это? На ней уже клеймо ставить негде!

– Интересно, еще целуются или уже встречаются? – лениво сощуривает глаз Вадик Лепёхин. Когда-то, на заре работы в нашей конторе, он пережил с Танюхой короткий, но бурный роман.

– Еще один падает в грязь. Прав был старина Меркьюри, – роняет из своего угла наш персональный интеллеktуал Коля Марков.

– Всё равно как-то уж слишком рано, даже для Танюхи. Или нет? Что думаешь, Дим? – игриво подмигивает мне Маринка.

Все с улыбками поворачиваются в креслах. Ну как же. Новая серия шоу "Пять копеек от Беляева".

Но на этот раз обходится без моей улыбки.

– Думаю, что чужая личная жизнь – это не наше дело, – с холодком объявляю я после паузы. – Не лезьте, куда вас не просят.

Головы разочарованно возвращаются к работе.

– Хамить необязательно. И уж точно не тебе нас учить, – оскорбляется в лучших чувствах Наташа.

– Ты вроде отличник по юмору всегда был, – недобро косятся на меня Вадик. – Что, сбой в программе?

– Просто Дима сегодня поборник морали. Вместо Танюхи, – усмехается Марков.

– Извини, Дим. Мы сегодня так бестактны. Даже не предполагали, что... у вас с Таней что-то есть? – деликатно вворачивает Маринка, превращая робкое извинение в невинный

вопрос.

На ее ярких губах проницательная улыбка из серии "Вам, мужикам, не одурачить меня. Я знаю, у вас на уме только одно". Очаровательная девушка. У которой на уме только одно.

Коллеги снова обращаются ко мне. Неторопливо обвожу их задумчивым взглядом.

– И еще я думаю... Ведь чтобы судить человека, которого нет рядом, по идее, нужны особые полномочия. А уж для того, чтобы говорить о нем за глаза такие вещи, даже их недостаточно. Вам не кажется, что вы много на себя берете?

– Беляев, ты говоришь так, словно живешь какой-то другой жизнью, – огрызается Туманова. – И будто с Копыловой незнаком.

– Жизнь у всех одна и та же, – спокойно возражаю. – Есть добро и есть зло. А еще выбор между тем и другим, который есть у каждого.

– Слишком примитивно, – подает безучастный голос Коля. – Не думай, что ты лучше нас.

– Да нет, – рассеянно отвечаю ему, глядя куда-то в пространство. – Я не лучше вас. И это меня беспокоит.

На этом разговор затихает сам собой. Через несколько секунд звонкой тишины Наташа сердито включает радио. Видимо, с целью побыстрее изгнать из своей и нашей памяти ее пятничный тост за красоту и щедрость Танюхи.

3.

Во время обеда телефонный звонок из автосервиса поднимает мне настроение. Но едва я возвращаюсь за рабочий стол, в комнату вторично за день заходит Михаил Олегович. Удивиться этому факту толком не успеваю, так как сразу получаю приглашение пройти в его кабинет. Покорно направляясь следом, мимоходом отмечаю удовлетворенную улыбку Тумановой.

Мне вежливо предлагают сесть в уютное кресло за столом для переговоров. Пока шеф отвечает на телефонный звонок, я разглядываю дипломы на стенах, дорогую мебель и стильный декор. Этим меня не удивить, хотя "на ковре" прежде доводилось бывать нечасто.

Приветливо смотрю на деловое лицо Михаила Олеговича, когда он садится передо мной. Откликаюсь на его дежурную улыбку. Возможно, ситуация требует побольше пиетета, но с начальством я всегда веду себя одинаково. Уважительно и без подобострастия. И раньше никто не жаловался.

– Дмитрий... Андреевич, верно? – начинает он доброжелательно.

– Можно просто Дмитрий, – улыбаюсь в ответ.

– Отлично, – кивает шеф, поправляя модные очки. – Я знаю, что вы один из старейшин нашей фирмы, не так ли?

– Девять лет стажа, – подтверждаю я.

– Мы ценим наших сотрудников, тем более опытных, – произносит он, продолжая дипломатично улыбаться. – Рассчитываем на вас, опираемся в работе, стараемся поощрять. И будем делать это в дальнейшем.

Его манера говорить о себе "мы", вероятно, должна напоминать мне о том, что для своего возраста он уже достаточно опытный руководитель. О'кей, принято к сведению.

– Но есть правила, которые мы исповедуем и намерены требовать их соблюдения, – продолжает Михаил Олегович, добавляя голосу значимости.

Так-так, уже теплее.

– Нам всем предстоит много ответственных сделок с важными клиентами. Пережить немало трудностей, связанных с нестабильностью на рынке, в нашем сегменте и вообще в стране.

Он говорит уверенно и в хорошем темпе. При этом определенно прислушиваясь к себе и получая удовольствие от того, что слышит.

– Поэтому краеугольным камнем нашей организации, как и любой другой, мы считали, считаем и будем считать дисциплину в коллективе, – постепенно добирается он до сути, не сводя с меня умных глаз. – Мы все в одной лодке, Дмитрий. Нам необходима взаимовыручка, важны взаимопонимание и взаимоуважение. Мы должны быть единым организмом, если хотим справляться с любыми возникающими перед фирмой препятствиями. Иначе нашу уязвимость почув-

ствуют конкуренты, клиентура, и тогда мы быстро лишимся завоеванных позиций. Причиним непоправимый ущерб нашему общему делу. Тому могущественному зданию, что возводили предыдущие руководители. С которыми вам, Дмитрий, в эти нелегкие годы довелось поработать.

Если он старается околдовать меня, то ему это отчасти удастся. Вопрос только в том, верит ли он хотя бы в часть собственных сентенций.

Михаил Олегович вздыхает, снимает очки и начинает неторопливо протирать линзы. Старый, но эффективный приём взять передышку и перейти к главному. Говорят, еще хорошо помогает стакан воды.

– Поступил сигнал, что у вас произошел конфликт мнений с некоторыми нашими сотрудниками, – говорит он с легкой меланхолией.

Я вспоминаю улыбку Тумановой. Один – ноль в пользу Наташи.

– Вышло недоразумение, – отвечаю сдержанно и серьезно, стараясь попасть в ритм его речи. – Мы быстро урегулируем наши разногласия. В коллективе, как в любой дружной семье, мелкие шероховатости иногда имеют место.

Верный ход. Шеф одобрительно кивает.

– Существует корпоративная этика, Дмитрий. Не забывайте, что все, кто работает здесь – это детали единого сложного механизма. Если мы будем неосторожны с ними сегодня, то последствия сможем ощутить на себе уже завтра, по-

нимаєте?

Еще бы. Возможно, сейчас я понимаю его даже лучше, чем ему бы хотелось. Он продолжает вправлять мне мозги, но они уже заняты другим. Делают выводы.

Кажется, теперь мне становится ясна его миссия в нашем учреждении. Не будет революций. Не будет развития. Не будет вообще ничего нового. Я переоценивал его. И недооценивал одновременно. Этот человек прекрасно знает, где оказался. И надолго здесь не задержится. Не тот масштаб. Не те исполнители. Не его лига.

Что ж, Михаил Олегович. Мы не станем возражать против такого подхода, если здешнее спокойствие не будет нарушено. Ваше желание навести в нашем болоте внешний лоск, не погружаясь в грязь, объяснимо и даже в какой-то степени похвально. Желаем успеха. В смысле, желаю.

– Вот и всё, что хотелось вам сказать, – подытоживает шеф. – Надеюсь, мы поняли друг друга?

– Конечно. Полностью, – охотно соглашаюсь я. – Разрешите короткий вопрос?

– Пожалуйста, – откликается он не без удивления.

– Насчет Копыловой. Почему она не вышла сегодня, что-то случилось?

Михаил Олегович недолго медлит, припоминая.

– Что-то со здоровьем. Подробности не знаю, она не общила, – он вежливо улыбается. – Думаю, завтра вернется, не беспокойтесь.

Я согласно киваю. Другого и не ожидал.

– Спасибо за ваше время, – говорю почтительно и, почуввав момент, решаюсь на просьбу: – Михаил Олегович, не позволите ли мне отлучиться пораньше? Позвонили из автосервиса, надо бы забрать машину из ремонта.

Шеф польщенно усмехается личной просьбе старейшего сотрудника. Для вида коротко задумывается.

– Если нет срочных дел, которые без вас некому закончить – пожалуйста. Поздравляю, будьте аккуратны за рулем, – галантно произносит он, наслаждаясь собственным вниманием.

Мы встаем и пожимаем друг другу руки. Михаил Олегович благодушно смотрит на меня из-под сияющих чистотой линз.

Знакомая сценка. Что-то из рекламы банковских услуг? Или страховых? Или из предвыборных брошюр? В любом случае, вторично и пошловато. Пиарщику неуд и работа над ошибками.

В коридоре мне почти сразу попадается Олежек Комар. Где еще быть нашему Икару, если не поблизости от кабинета шефа. Я останавливаю его и торопливо здороваюсь.

– Танюха не вышла на работу, – сообщаю, присматриваясь к нему. – Ты что-то знаешь?

Но Олежек лишь небрежно отмахивается.

– Не знаю и знать не хочу.

– Уверен? – удивляюсь я.

Внезапно он вспыхивает.

– На сто процентов! Слышал бы ты, что она мне наговорила в пятницу! Хоть бы вообще больше не пришла! Сучка! – взвизгивает обиженный мальчик и убегает по коридору. Подтягивая коротенькие штанишки.

Помедлив, двигаюсь в противоположную сторону, но почти сразу останавливаюсь. Смотрю по сторонам в поисках укромного места. Найдя его, достаю телефон и набираю номер. Раньше, чем успеваю сообразить, стоит ли.

– Алло, – доносится немного отрешенный женский голос.

– Привет, Таня, это Беляев, – выдыхаю в трубку, нервно проводя ладонью по голове. – Как ты? Всё нормально?

– Здравствуй, Дим, – отвечает Танюха после короткой паузы. – Я более-менее. Так, моторчик забарахлил.

– Не понял. У тебя разве больное сердце?

– Разбитое, – усмехается она и тут же добавляет грустно: – Да, у меня плохая кардиограмма уже пару лет как. Пить запретили, а я, видишь, сорвалась по случаю даты. Вот и имею теперь.

Я начинаю ожесточенно тереть лоб, осмысляя известие.

– Чем тебе помочь? Врач был? Лекарства есть?

– Всё в норме, Дим, – успокаивает Танюха, слабо усмехаясь. – Врач был, лекарства есть. Счастья нет, но здесь ты мне не помощник. И все-таки спасибо, что позвонил. Я оценила. Ты как?

– В порядке, спасибо.

– Слушай, – говорит она неуверенно. – Я не всё помню про пятницу. Ты извини, если обидела тебя. Ладно? Простишь засранку?

– Ничего страшного, – откликаюсь тут же. – Ты не расстраивайся, всё было нормально. И давай, выздоравливай.

– Постараюсь, что со мной сделается. После тридцати жизнь только начинается, правда? – произносит Танюха бодрее, но всё же с ощутимой горечью в голосе.

– Наши тебе привет передают, беспокоятся, – помолчав, бормочу я первое, что приходит в голову.

В трубке снова смешок, и вновь невеселый.

– Так беспокоятся, что за полдня никто не набрал, – говорит она, стараясь спрятать тоску за иронией. – Ничего. Такая жизнь. Праздник закончился. Всё я понимаю, не дура. Мы все дружили понемногу... когда-нибудь и как-нибудь. Дела фирмы важней. Тебе спасибо, Дим. Береги себя и будь молодцом.

Какое-то время стою, прижав опустевшую трубку к уху. Глаза бесцельно мечутся по офисному ландшафту, пока мысли стараются обрести стройность. Мне делается дурно от осознания того, что сейчас придется вернуться в нашу комнату коллег-единомышленников. С их взаимопониманием и взаимовыручкой, на важности которых так настаивает чуткий шеф.

Но вдруг меня навещает спасительное воспоминание о машине. А следом, бесцеремонно расталкивая и выпроваживая всё плохое в голове, является образ Марго. Я с надеждой хватаюсь за него. Сжимаю телефон покрепче и торопливо ищу ее номер.

– Привет, что стряслось, говори быстрее, – бросает она недовольно.

Мои губы сами растягиваются в улыбке от родимого голоса моего трудоголика. В очередной раз простившего меня, на сей раз за неудавшееся воскресенье.

– Привет, буду краток, – ласково шепчу в ответ. – Машину сделали, готов забрать тебя после работы.

Марго отвечает не сразу, что бывает довольно редко. Просто перед ней непростая задача. Надо срочно перестроиться на хорошее, при этом продолжая напряженную работу.

– Иди ты, неужели правда? – недоверчиво усмехается она после паузы. – Ура! Приезжай, буду ждать с нетерпением. Жаль, что не кабриолет у нас, вот бы я сверкнула кормой перед нашими.

Я смеюсь в ответ. И чувствую, как большущий камень падает у меня с души.

4.

Марго дожидается, стоя на краю тротуара. Носом в телефоне, разумеется. Выруливаю на дублер, игриво сигналив ей. Она замечает меня и принимается снисходительно аплодировать, а затем даже складывает ладони в молитвенном жесте. Обращенном к своему рыцарю на белом железном коне. Ну, куда же мы без иронии. Притормаживаю рядом.

– Поздравляю, дождалась! – радостно восклицает она, устраиваясь на сидении. – Дорого вышло?

– Всё схвачено, – важно усмехаюсь в ответ. – Свои ребята, лишнего не взяли.

– Ну и хорошо, – деловито одобряет Марго, пристегиваясь. – Деньги и так найдется, куда потратить. Италия влетит в копейку, да и балбеска наша может на бюджетное не поступить.

Я люблюсь ею. Ловлю себя на том, что соскучился.

– Как прошел твой день, милашка?

Она отвечает томным взглядом.

– Всё как обычно. Бардак, бедлам и хаос. Все ленятся, рассуждают о правах и топят за повышение зарплаты.

Понимающе ухмыляюсь. Знакомая тема.

Мы трогаемся с места, но уже через два квартала нас нагло подрезает иномарка, сама же возмущенно сигналив и прибавляет скорость.

Марго выкрикивает вслед те самые слова, за которыми обычно в карман не лезут. Но почти сразу спохватывается, вспоминая обо мне.

– Беляев, только держи себя в...

А я спокоен, как слон. Это так удивляет мою жену, что она какое-то время лишь молча смотрит на меня. С доброй усмешкой наблюдаю за ее реакцией.

– Ты в порядке? Ни слова о правилах вождения и обезьянах за рулем? – искренне недоумевает она.

– Будем считать, что ты высказалась за нас обоих.

Марго недоверчиво приглядывается ко мне.

– Точно всё нормально?

– Всё отлично, – успокаиваю ее безмятежно. – Я еду по солнечному городу, на своей машине, рядом с красивой женщиной. Чувство, будто мы с Одри Хепберн только что украли миллион.

– Такое сравнение мне нравится, – благосклонно усмехается Марго, расслабляясь. – Правда, сейчас ты мне больше напоминаешь героя фильма "Шофер мисс Дэйзи". Видимо, из-за этого офисного мундира.

Она насмешливо поправляет узел моего галстука.

– Там был чернокожий водитель, – припоминаю с сомнением. – Да и до Моргана Фримана мне далековато.

– Это не важно, – смеется Марго. – Главное, ты сегодня такой же добрый и загадочный.

На это возразить нечего. Удовлетворенно хмыкаю в ответ.

Мы проезжаем перекресток, но вскоре снова останавливаемся на светофоре. Гляжу по сторонам, и мои глаза сами находят одинокую церковь на отдалении от дороги. Раньше не замечал. Задумчиво рассматриваю позолоченный купол.

– Нам зеленый, – слышится ее осторожный голос, извлекающий меня из непрошенных размышлений.

Возвращаюсь мыслями за руль, и мы едем. Боковым зрением вижу, что жена неотрывно наблюдает за мной. Поворачиваю голову. В ее глазах нескрываемое любопытство. Но она подносит палец к губам в знак того, что нового назойливого вопроса о моем состоянии не последует.

– Послушай, – вдруг посещает меня идея. – Давай кое-куда заедем? Хочу познакомить тебя с одним человеком. И узнать твое мнение.

– Надеюсь, не с любовницей? – приподнимает бровь она.

Я усмехаюсь. Марго тоже, чувствуя неуместность подозрений.

– Поехали. Только по-быстрому. Потом еще за продуктами надо сгонять, раз уж мы верхом.

Моя жена открывает сумочку, достает складное зеркальце и оперативно прихорашивается. "Ты на свете всех милее", – слышу уверенный шепот ее отражения. И полностью с ним соглашаюсь.

5.

Ставя машину на сигнализацию, замечаю нескольких человек в костюмах. Они прохаживаются вдоль рядов, недовольно поглядывая вокруг. Определенно не из числа ценителей живописи. Один из них что-то нервно выговаривает в телефон и, судя по озабоченному лицу, получает симметричный ответ.

Марго выжидающе смотрит на меня, нетерпеливо постукивая каблуком по тротуарной плитке. Извинительно киваю и спешу к ней. Она берет меня под руку, и мы движемся по уже пройденному мной однажды маршруту, так же почти не достаивая вниманием ни холсты, ни продавцов.

Катранов обнаруживается на том же складном стуле. Только на этот раз не прячет лицо под капюшоном, а подставляет его солнечным лучам, умиротворенно закрыв глаза.

– Виктор Васильч, ау! Доброго дня! – окликаю я.

Он лениво щурится, но, заметив рядом со мной привлекательную даму, немедленно поднимается на ноги и лучезарно улыбается. Меня будто окатывает теплой воздушной волной. Передо мной вновь появляется тот самый Витя, которого я когда-то знал.

– Моя жена. Знакомьтесь, – усмехаюсь его преображению.

– Катранов Виктор, – торжественно объявляет он ей.

– Маргарита, – приветливо улыбается она, протягивая ру-

ку.

Тот принимает ее и церемонно склоняется для поцелуя. Марго удивленно поднимает брови.

– Ваш муж заслуживает права называться Мастером, раз его выбрали вы, Маргарита, – произносит Катранов так серьезно, что мне становится не по себе.

Марго придиричиво оглядывает меня и с иронией кивает.

– Заслуживает временами. Но, по-моему, ощутимее ваше сходство с Воландом, – произносит она без смущения.

Он окидывает меня изумленным взглядом, а я отвечаю гордой улыбкой. Да, это моя жена.

– Благодарю вас. Это щедрый комплимент, – с почтением обращается Катранов к Марго. – Хотя по мне оно менее значительно, чем может показаться.

Он смотрит на нее с искренним интересом.

Она с любопытством следит за ним, продолжая загадочно улыбаться.

Это занимательная сцена. Словно на моих глазах действительно встретились два литературных персонажа.

– Спасибо вам за картину, – любезно говорит Марго, наклоня голову в сторону стеллажа. – Если не возражаете, я посмотрю, что еще у вас есть.

– Почту за честь, всё перед вами, – благодарно улыбается Катранов, делая приглашающий жест.

Она едва заметно подмигивает мне и отходит к картинам. Мы провожаем ее восхищенными взглядами.

– Хорошая погода, не правда ли? – приводит нас обоих в чувство Катранов. – Гуляете?

– Катаемся. Машину разнашиваем после сервиса. Тем более, что весна и правда не против, – откликаюсь, поглядывая на небо. – Как торговля?

– Вяло, как всегда. По крайней мере, тепло.

– А что за мрачные люди здесь круги нарезают? – вспоминаю я.

– А, стервятники, – машет рукой он и неприязненно оглядывается в сторону костюмов. – Выселить нас хотят. Грядёт точечная застройка.

– А вы? Боретесь? – интересуюсь участливо.

– Боремся. Как Дон Кихот с мельницей, – невесело усмеяется Катранов. – Петицию создали. Надеемся хоть время выиграть. А там посмотрим.

– Помочь чем-то?

– Спасибо, Димуль. Чем тут поможешь. Жизнь на этом не заканчивается. Мы найдем, куда себя пристроить. Будущее рассудит, кто на своем месте, – задумчиво заключает он.

Взглянув на меня, вдруг что-то вспоминает и хлопает по плечу:

– Слушай, дружище! Раз ты при колесах теперь, не поможешь по-свойски? Надо бы вещи в церковь отвезти, давно им обещаю.

– Запросто. Когда?

– Хоть завтра. Если тебе удобно, конечно.

– Давай. Часов в восемь вечера подойдет?

– В самый раз. Приезжай к нам домой, мы быстро обернемся. Лады?

Я киваю. К нам возвращается Марго. Сияет на солнце.

– Могу ли узнать ваше мнение об увиденном? – интересуется Катранов, расплываясь в улыбке.

Она одобрительно улыбается в ответ:

– Мне всё понравилось, спасибо. Думаю, нам стоит приобрести что-то и для себя. Мы подумаем.

– Благодарю вас, – польщенно произносит он. – Другим скидки до ста процентов.

– Заманчиво, но за достойную работу положено щедрое вознаграждение, – усмехается Марго и снова берет меня под руку.

На этом мы расстаемся. Довольные друг другом, как думаю я.

В машине с улыбкой поворачиваюсь к ней, ожидая одобрения. Но Марго внимательно смотрит на меня.

– Кто этот человек? – спрашивает она серьезно.

– Это мой старинный приятель, – говорю я небрежно. – Мы знакомы с детства, жили в одном дворе. А что?

Моя жена задумывается и какое-то время не отвечает.

– Кат-ра-нов, – произносит Марго по слогам, размышляя, и смотрит с сомнением: – Станный он. Не знаю, как тебе объяснить. Обычно я чувствую людей. Хватает пары минут, что-

бы понять, с кем говорю. Но он... В нем что-то другое. Я не понимаю, что это. Что именно увидела. Это выше моей интуиции и вообще моего уровня. И поэтому мне как-то неспокойно. Что ты знаешь о нем?

Я догадываюсь, что этого не стоит говорить. Но и скрывать нельзя. Видимо, это и есть тот самый фрагмент мозаики, которого не хватает Марго, чтобы составить впечатление.

– Он отсидел за убийство, – говорю после паузы. – Непредумышленное, но всё равно долго.

Она шумно выдыхает и долго без выражения смотрит перед собой. Ее голос после паузы становится напряженным.

– Я тебя поняла. Держись от него подальше, если сможешь. Или хотя бы будь осторожен с ним.

– Думаешь, он опасен? – удивляюсь я.

Марго медлит.

– Трудно сказать, – пожимает плечами она и добавляет, подбирая слова: – По-моему, это человек большой силы. И это лидер. А ты ведомый. Вот только куда он захочет тебя привести, я сказать не могу. Но вижу, что ты уже меняешься.

– Ты поэтому вспомнила о Воланде? – неуверенно усмехаюсь в ответ.

– Да. Хотела увидеть его реакцию. Но ничего по ней не поняла. У него есть секрет. И он умеет его скрывать. Его картины и правда хороши, полны свежести и света. Но отражают ли они его сущность, или это талантливый обман, я не знаю.

Моя жена говорит рассудительно и неторопливо, разду-

мывая над каждой фразой. Наконец, она поднимает глаза на меня.

– Он интересен. Необычен. Такие люди мне пока не встречались. Тебе решать, как строить с ним отношения. Но будь очень внимателен, ладно?

Вынуждаю себя энергично кивнуть, хотя ее слова лишь рождают новые вопросы. Которые я не в состоянии высказать и даже сформулировать.

– Я голодная, – вздыхает Марго утомленно. – Полагаю, как и ты. Хватит уже психологии. Поехали-ка за едой. Мой милый мистер Фриман.

6.

Следующим утром впервые на моей памяти просыпаюсь раньше будильника. Поначалу отказываюсь верить, что это возможно, тупо смотрю на часы. Но об их исправности говорит и то, что до моего далеко не самого чуткого носа доносятся запахи кофе из кухни и духов Марго из прихожей. Значит, ушла на работу совсем недавно. Время повернуться на другой бок и посмотреть еще пару мультиков для взрослых.

Но мозг уже проснулся. Он заставляет размышлять, рассуждать и анализировать. Странно. Не слишком ли многого ты требуешь от меня в последнее время, уважаемый?

Поворочавшись, сажусь на постели и бросаю взгляд в окно. Кстати, вот и здравая мысль. Если до работы столько времени, то почему бы не проветриться? Когда же еще, если не в мае? Зимой слишком холодно, летом чересчур жарко, осенью и ранней весной – очень уж слякотно. Солнце ободряюще светит мне прямо в лицо, избавляя от последних сомнений. "Выходи из дома и сразись со мной, как мужчина", – словно восклицает оно. Ладно, вызов принят.

В ближайшем к дому парке свежо и тихо. Что ж, это буднее утро. У мам есть коляски с детенышами, у бабушек нескончаемые темы для скамеечных пересудов, у собачников – их ретивые любознательные питомцы. А у таких, как я, есть рабочий день. И преимущественно пятидневка. Нас

большинство.

Оказавшись на зеленой территории, чувствую себя то ли в забытом прошлом, то ли в отдаленном будущем. Лесные звуки кажутся непривычными для моего городского уха. Кроны уходящих в небо дубов и клёнов образуют плотную резную стену, сквозь которую бессильно прорваться даже агрессивное светило. В проросшей траве и на стволах деревьев бурлит недоступная моему пониманию, но имеющая свои четкие правила и сложившийся веками порядок жизнь пернатых трудяг.

Внезапно совсем рядом дорогу перебегает серохвостая белка. Дерзко остановившись на моем пути, она внимательно оглядывает меня, словно соображая, для чего ей может сгодиться этот двуногий.

Затаившийся было мозг тут же реагирует. Он выискивает воспоминание о воскресном закатном разговоре с Катрановым. А с ним возвращает и занимающий меня в последние дни вопрос. Конечно, я тот еще философ, но одна фраза из его монолога настойчиво царапает меня изнутри, не давая покоя. И ожидая моего ответа.

Неужели он прав, и мы правда не более чем муравьи в таком огромном, но таком маленьком лесу? Заигравшиеся дети, забывшие о том, что в любой момент могут вернуться взрослые? Такие вот белки, глядящие на всех сверху вниз и считающие именно себя главными на обжитом участке?

Пожалуй, впервые я пробую оценить свою жизнь и найти

в ней что-то возвышающее меня над другими. Над окружающим миром. Пытаюсь примерить на себя корону и мантию его хозяина. И это не получается. Ожидаемо, в общем-то. Что я знаю о жизни? Что понял? Чему научился? Что могу передать о ней по наследству? И что Дашка сможет рассказать про нее своему ребенку, когда придет время? Мои ноги вроде бы ритмично вышагивают по ней, как по этому парковому асфальту. Но вместе с тем у меня всё чаще возникает ощущение, что им недостает надежной почвы. Нет точки осознанной опоры, откуда можно двигаться вперед. Может, потому что во мне нет веры во что-то настоящее, важное, непоколебимое. Ведь смешно верить в себя, если всё, что у меня есть – это слабость перед обстоятельствами. Перед внешними факторами. Даже этот прыгающий по тропинке воробей чувствует себя увереннее. У него есть простой план и нет завышенных ожиданий. Он знает свое место, поглощен насущными делами и не загадывает дальше, чем видит перед собой.

Кажется, какое-то смутное понимание рождается у меня в голове. Но развить его я не успеваю. Мое внимание привлекает что-то белеющее впереди. Подхожу ближе и вижу на дорожке дохлого голубя. У него особенный окрас – белый с темными крапинками. Присаживаюсь на корточки рядом и сочувственно разглядываю свою находку. Непохоже, чтобы его сбила машина, поймала кошка или подбил камнем малолетний охотник. Просто умер. И о нем уже не вспоми-

нают другие голуби. А люди обходят, стараясь не смотреть в его сторону. Позже придет дворник, и он окажется в одном мешке с окурками, фантиками и прочим мусором. Никто уже не вспомнит об этом роскошном окрасе и размахе красивых крыльев.

Вот и вся жизнь в разрезе. Мы слишком ничтожны. Как песчинки. Или муравьи. Получается, Катранов прав.

Осторожно переносу голубя на обочину. Бросив на него прощальный взгляд, направляюсь к выходу. Время вышло. Вот тебе и проветрился. И всё же я чувствую, как где-то в моем механизме встала на место, перестав напрасно молотить воздух, одна из важных шестерёнок. Вот только бы понять, изменило ли это меня к лучшему.

7.

День в офисе выходит стандартным, размеренным. Танюхи снова нет. И на этот раз обходится без колкостей в ее адрес. Никто не вспоминает о вчерашнем, не бросает на меня косых взглядов, не шушукается. Не пристаёт, но и не обходит стороной. Дискуссий больше не устраивают. Верно, зачем провоцировать. Корпоративная этика в действии. Михаил Олегович должен быть доволен. Еще восемь часов жизни возложено на алтарь процветания компании. Что бы оно ни значило для рядовых сотрудников.

Выйдя на улицу после работы, я не без труда отыскиваю свою машину на общей парковке. Сажусь за руль и вздыхаю с облегчением. У каждого должно быть место, где ему хорошо. Видимо, мужчине для обретения внутреннего комфорта ниспослан автомобиль. Домик на колесах. Врубаю радио и отправляюсь в путь через вечеряющий весенний город. В дом без колес и без башни. К своим сумасшедшим девчонкам. Надеюсь, они ждут. У меня хорошее настроение. Мне кажется, что всё в нашей жизни наладится. Как? Не имею понятия. Я лишь маленький человек. Мне недоступно понимание, что заваривается, есть только вера в лучшее. Усмехаюсь, начинаю беспечно подпевать какой-то ерунде на FM-волне.

Дом показывается минут через двадцать моих передви-

жений по вторничному трафику. Вполне приличная, хоть и немолодая кирпичная девятиэтажка. Когда-то я был по-настоящему счастлив здесь. Мы с Марго были моложе, а Дашка и вовсе карапузила. Смеялись, развлекались, принимали гостей. Кайфовали от каждого дня. Любили. Не требовали невозможного, не придирались к словам, не унижали друг друга. Враньем, фальшью, ревностью. Это были мы, я точно помню. Постепенно и незаметно всё стало портиться, увядать, зарастать мусором. Но это по-прежнему мы. А значит, всё еще возможно.

Выскакиваю из машины и пружинящей легкой походкой направляюсь к подъезду. Скоро увижу их. И, может быть, в первый раз за долгое время смогу сказать им обоим что-то очень доброе. Жизнеутверждающее. Нежное.

Но мой кураж сходит на нет, едва лифт выпускает меня на нашем этаже. Я слышу женские крики. Из нашей квартиры. Связка ключей едва не выпадает из рук. С третьего раза попадаю в скважину, влетаю в прихожую и сразу понимаю, что орет Марго. Истерично и зло, что так непохоже на нее.

—... И что ты теперь собираешься делать, а?! Не знаешь? Правда? Тогда я тебе скажу, что будем делать мы! Мы засудим его, ясно?! И всю его сраную семью, ты поняла меня?! Отвечай матери!

Захожу на кухню. Дашка сидит за столом, опустив голову. Красная и вспотевшая от гнева Марго стоит рядом, опершись на столешницу. Кажется, что вся чудовищность, вся аб-

сурдность этого срыва легла ей на плечи, и оттого она сгорбилась, как старая карга.

– В чем дело? – осведомляюсь я, стараясь казаться хладнокровным.

Моя жена оборачивается, но не выпрямляется, отчего еще сильнее походит на персонажа из фильма ужасов. Пять-шесть, мама всех нас хочет съесть.

– Какие люди! – задыхается она от ярости, вперившись в меня колючим взглядом. – Поздравляю, дорогой. Есть новости. Наша славная доча беременна. Что теперь скажешь, папаша?

Я ничего не успеваю сказать, потому что в следующее мгновение Дашка выскакивает из-за стола. В два прыжка она преодолевает расстояние до окна. Сдергивает тюлевую занавеску с петель. Рвет раму на себя. Ловко взбирается на подоконник.

Марго охает и пятится. Подкосившиеся ноги доносят ее до подвернувшейся табуретки, на которую она с шумом падает.

И тут кошмар достигает апогея. Мы слышим обращенный к нам голос Дашки. Который меньше всего напоминает ее обычный голос.

– Не подходите ко мне! – кричит она исступленно. – Убирайтесь! Вон из моей жизни! Оставьте нас в покое! Отвалите! Раз и навсегда! Я спрыгну, реально!

Дашка делает движение, и ее нога оказывается за окном.

С нее тут же сваливается тапок и отправляется в тот самый полет с седьмого этажа, которым угрожает наша дочь.

Я зачарованно смотрю на ее перекошенное лицо. На распахнутые от ужаса и отчаяния глаза. Передо мной затравленный зверек. Мой ребенок. Мой желтый ангел.

Каким-то чудом мне удастся взять себя в руки.

– Хорошо, – говорю как можно спокойнее. – Мы остаемся на местах. Ты да я. Мама сидит молча. Договорились? Только дай мне минуту. А потом решай, как быть. Ты же взрослая девочка, верно?

Дашка переводит дикий взгляд с меня на Марго и обратно. Вижу, как побелели от напряжения ее тонкие пальцы с дурацким зеленоватым лаком на ногтях. Понимаю, что минута у меня есть, но вряд ли больше. Хватит ли сил. Ей и мне. За пару секунд до того, как я снова открываю рот, в памяти вспыхивает лицо Катранова. Его страшные и мудрые глаза. Становится чуть легче.

– Видишь ли, малыш. Тебе жутко не повезло, – слышится мой ровный голос. – Ты живешь в жестокое и бессмысленное время. Да еще под одной крышей с придурками, которые не понимают тебя и даже не прикладывают должных усилий. Мы слепы и глухи. Причем не только к тебе, но и друг к другу, и к самим себе. Это очень плохо, но так обстоят дела. Такова правда.

Ресницы Дашки вздрагивают, в глазах появляется блеск. Она слышит меня.

– Но правда и то, что мы с мамой еще молоды. Когда-то мы были лучше. И мы по-прежнему можем быть лучше. У нас есть сердца. А в них помимо повседневной бестолковой шелухи есть любовь к тебе. Бескрайняя как космос. И еще в нас жива доброта, это спасительное тепло среди окружающего холода. А значит, есть и надежда. Что мы будем счастливы все вместе. Что будет счастлив твой будущий ребенок. Если ты захочешь оставить его.

Ее губы дрожат. Помедлив, она нерешительно ставит вторую ногу обратно на подоконник и выпрямляется. Растерянно смотрит на меня. Я знаю, что сейчас в ней происходит борьба, но мне больше нельзя в нее вмешиваться.

– Почему... – едва слышно начинает дочь и ненадолго замолкает, стараясь собраться с силами. – Почему ты никогда раньше не говорил со мной так? Как с человеком. Как с живым существом.

Этот простой вопрос бьет меня прямо в сердце. На него может быть только один ответ.

– Как и было сказано выше. Перед тобой придурак, – отвечаю я, и голос впервые меня подводит.

Дашка еще несколько мучительно долгих секунд вглядывается в мои глаза. Затем пробует улыбнуться, но вместо этого ее лицо искажает гримаса, и, часто всхлипывая, она заходится в рыданиях.

Делаю порывистый шаг навстречу и ловлю ослабевшее хрупкое тельце в свои объятия. И вот мы стоим посреди кух-

ни. Дашка судорожно обхватывает меня, сотрясаясь от плача, а я в молчаливом изнеможении успокаивающе глажу ее стриженные волосы.

Поверх головы дочери вижу лицо Марго. Она смотрит на меня не мигая. А когда ее веки всё же на миг смыкаются, в глазах появляются слезы.

Наконец, Дашка отстраняет мокрое лицо от моей груди. Я замечаю проблеск надежды в ее взгляде.

– Ты позволишь привести его к нам в гости? – спрашивает она срывающимся голосом.

– Как его зовут?

– Макс, – шмыгает носом дочь.

– В любое удобное. Только в другой день. На сегодня хватит дуэлей.

Она улыбается сквозь слезы. Мы с Марго помилованы.

– Тогда я пойду к нему, ладно?

– Если считаешь, что в таком виде можно показаться на улице.

– Это мне вообще пофигу, пап, – заявляет прелестное чадо и с облегчением смеется.

Она подходит к двери, но на пороге оглядывается на нас.

– Мой блог будет о материнстве, – произносит Дашка робко, но с достоинством. – Для тинейджеров вроде меня.

Через минуту дверной замок лязгает, и мы с женой остаемся наедине. Друг с другом. И со всем, что произошло.

С трудом поднимаю руку и провожу дрожащими пальца-

ми по лицу. Гляжу на Марго. Она неотрывно смотрит на подоконник.

– Оказывается, ты хороший отец, – слышится ее подавленный голос. – Если бы это было не так, мы бы сейчас соскребали нашу дочь с асфальта.

Я не отвечаю. Отбрасываю разорванный тюль и закрываю окно. Прислоняюсь лбом к холодному стеклу.

За окном продолжается жизнь. Но где-то там внизу, среди проезжающих машин, спешащих с работы горожан и резвящихся в лучах вечернего солнца детей, на наше окно с безмолвным упреком взирает Дашкин тапок.

Всё как дважды два. Все эти дни она старалась достучаться до нас. На своем птичьем языке просила внимания и помощи. Надеялась на поддержку. Пока не решила, что в родительском доме ей друзей не найти. Это была проверка. А мы не услышали, не распознали. Вцепились в ее постылый универ, хотя нужно было просто узнать, чего на самом деле хочет и боится наша дочь.

Как далеко этот чертов асфальт. И как близко. Так же близка была трагедия, что зачеркнула бы и наши жизни. Не в состоянии больше смотреть на улицу, я бессильно закрываю глаза.

Тяжелым грузом нависает тишина. Она длится так долго, что мне начинает казаться, будто я остался один. Оглядываюсь. Марго стоит за спиной и ждет, не сводя с меня потерянного взгляда. Поворачиваюсь к ней. Ее глаза из-за вечерней

синевы за окном кажутся еще бездоннее. Еще выразительнее. Еще красивее.

– Прости меня. Я говорила, что со мной не стоит связываться, – слабо произносит она и вновь потрясенно умолкает.

Я подхожу к ней вплотную и раньше, чем успеваю сообразить, что делаю, расстегиваю верхнюю пуговицу ее блузки.

– Ты прикалываешься, – грустно усмехается она.

Секунду вглядываюсь в свое отражение в ее зрачках. Эх ты, идиотина. Скажи это, наконец.

– Вы с Дашкой – это главное, что есть в моей жизни. А ты моя королева.

Марго хочет что-то ответить, но до меня доносится лишь всхлип. В следующее мгновение она обвивает руками мою шею и жадно впивается в губы. Чувствуя ее слезы у себя на лице, я поднимаю мою жену на руки и несу в спальню.

8.

Есть люди, которых отличает исключительная тактичность. Наш Стас Мелешко именно из таких. Вот и теперь он не промахивается. Когда на экране высвечивается его номер, я как раз докуриваю сигарету, свободной рукой поглаживая голову Марго на своей груди. Она то ли спит, то ли крепко задумалась, но на звонок внимания не обращает. Утопив окурки в пепельнице, беру телефон.

– Привет, дружище! – слышится его чуть картавящий тенор.

– Здорово, брат. Говори.

– Как занятость? Удобно?

– Конечно, ты всегда вовремя, – лениво ухмыляюсь я.

– Слушай! В воскресенье мы поехали праздновать к родителям на дачу. Вернулись поздно, а с утра в понедельник уже началась обычная маета с отмечаловым на работе. Совсем замотался. Просто голова кругом с этим днем рождения. К счастью, только раз в году.

– Классная прелюдия. Ты о чем вообще?

Ответом мне приглушенный женский смех – очевидно, Лара где-то рядом, как и всегда, когда Стас звонит из дома.

– Дело в следующем, – торопливо поясняет он. – Ваш подарок. Картина. Мы только вчера ее распаковали. Нашли в комнате. Даже не сразу вспомнили, что это, представляешь?

– Извинился бы хоть, балда! – обаятельно укоряет Лара.

– Да знаю я, отстань, – шутливо огрызается Стас и смущенно обращается ко мне: – Извини, старик. Вот что суэта делает с людьми. Поездки, работа, дети. И взрослые, как дети.

– Ладно, не переживай, – говорю с легкой усмешкой. – Это ж твой элемент декора теперь. Может быть, тебе он больше нравится в запакованном виде.

– Нет! – спешно возражает он. – Потому и звоню! Мы распаковали и обалдели! Какая нереальная красота! Сидим и любимся! Не веришь мне, спроси у Ларки!

– Да-а, классная! – подхватывает та.

– Вот! – еще сильнее воодушевляется Стас. – Конечно, в целом я всегда был не про живопись. И да, искусствоведение не назвать моей сильной стороной, но...

Веселый смех его жены всё явственнее доминирует в эфире.

–... Но в ней столько... – на миг задумывается он, подбирая верные слова: – Столько света, чувства, гармонии какой-то... В общем, очень нравится. Я рад, что первая картина в доме оказалась такой. И что она пришла от вас! Спасибо! Повесим на видном месте!

– На здоровье, дружище, – отвечаю как можно любезнее. – Мне помогли с выбором, но когда я увидел ее, то сразу понял, что это ваше. Солнечный день для солнечных людей.

– Это мы! – охотно подтверждает Стас. – Идеально! Де-

сять из десяти!

– Душевно в душу! – задорно восклицает Лара. – Рите привет и спасибо за мужа!

Мы дружно смеемся.

– Ладно, как вы? Как жизнь? – спрашивает он.

Я с наслаждением провожу ладонью по гладкой спине Марго.

– Жизнь налаживается, – выдыхаю облегченно. – Всё будет хорошо.

– И это правильный ответ! – почти хором торжествует чета Мелешко. – Будьте бодры и веселы. И приходите почаще!

Закончив разговор, продолжаю улыбаться телефону.

– "Солнечный день для солнечных людей", – вдруг подает задумчивый голос Марго. – Неплохо сказано.

Она со сдержанным любопытством поднимает глаза на меня.

– Ты полюбил поэзию?

– Не был замечен, – скромно ухмыляюсь в ответ.

В уголках губ Марго собирается осторожная улыбка.

– Вот и я думаю. Уж не под влиянием ли автора картины?

Задумываюсь над ее словами, и тут меня осеняет.

– Мы же договаривались о встрече. Вещи перевезти, – озадаченно гляжу на нее и бросаю взгляд на часы.

– Дай сигарету, – внезапно просит она.

Моя жена не курит. Разве что временами, когда захлестывают чувства, или напротив, внутренние ресурсы оказыва-

ются на исходе. Это случается нечасто, но мы оба знаем, что сегодняшний день по праву претендует на звание особенно-го.

Не сводя с нее глаз, молча протягиваю пачку. Марго выуживает сигарету, и я отмечаю, как сильно дрожат ее пальцы. Пламя от зажигалки озаряет неестественно бледное лицо. Сейчас оно выглядит осунувшимся.

– Поезжай, – говорит она просто.

– Ты не обидишься? Я могу позвонить и переиграть на другой день.

– Поезжай, – повторяет Марго спокойно. – Ты же обещал, я слышала. Только за рулем осторожней. А если будете выпивать, то возьми такси. Или останься ночевать у него.

Трудно сказать, что поражает меня больше – сами слова или непривычная покорность в ее голосе.

– Доверяешь? А как же "держишь от него подальше"?

Она коротко затягивается, пожимает обнаженными плечами.

– Наверное, я ошибалась, – шелестит задумчивый голос. – Я вижу, как этот человек важен для тебя. А значит, и для меня. И еще я верю, что когда судьба в трудный момент посылает к тебе кого-то необходимого, то им обычно оказывается вовсе не кудрявый мальчик с крыльями. Этим кем-то вполне может стать и жуткий дядька с отсидкой.

Марго слабо кивает мне и переводит взгляд на ранние сумерки за окном.

– А мне сейчас полезно побыть одной. Нужно многое обдумать, многое сказать себе. Здесь, в наших стенах. Этим вечером я узнала о нас много нового. И о жизни. Поняла, как мало знала о ней. Мне нужно измениться. Чтобы соответствовать своим же запросам. Чтобы соответствовать тебе. Такому, каким я увидела тебя сегодня.

Она снова смотрит на меня, затем нежно улыбается и протягивает окурок.

– Потуши и иди. Только оставь сигареты мне, будь другом. Пригодятся.

Несколько мгновений после услышанного я не могу пошевелиться. Когда же наконец неуверенно спускаю ноги с дивана, Марго окликает меня. Вздрагиваю от неожиданности, впервые за долгое время слыша от нее свое имя.

Она чутко вглядывается в мое лицо, словно пытается запомнить.

– Я люблю тебя, – тихо произносит моя жена такие редкие для нас слова.

9.

– Дима? Как здорово, что вы пришли! – обрадованно восклицает Ирина, пропуская меня в прихожую.

Она заглядывает мне за спину и улыбается с шутливым укором:

– И снова один? Это становится традицией.

Отвечаю сконфуженной усмешкой.

– Просто я сегодня по делу. Виктор просил помочь отвезти вещи для церкви.

– В самом деле? – удивляется женщина. – Он меня не предупредал. Его еще нет, да и вещи не собраны. Наверное, придет с минуты на минуту, и мы с этим оперативно разберемся. Вы на такси?

– Нет, сегодня на личном транспорте.

– Значит, не откажетесь подождать моего забывчивого братца? Если не спешите.

Я соглашаюсь, и она приглашает меня на кухню, которая кажется более светлой и уютной, чем комната. Кажется, что хозяйка привыкла проводить здесь больше времени – за готовкой, наедине с мыслями и книгами, что высятся на старинной этажерке. Хемингуэй, Маркес, Моэм, Диккенс – читаю я на корешках. Усмехаюсь себе. словно заявился в гости к маме. Им определенно было бы, о чем побеседовать.

– Выпьете чаю? – предлагает Ирина.

– С удовольствием. На ваш вкус.

– Тогда мой любимый, ромашковый, – благодарно улыбается она.

Когда женщина ставит благоухающие чашки и садится за стол напротив меня, я спохватываюсь, с досадой хлопая себя по лбу.

– Фотография! Забыл распечатать ваш снимок.

Ирина тепло улыбается.

– Не страшно. Это просто значит, что вы точно приедете к нам снова. К нашей с Витей радости.

Она немного медлит, затем стеснительно смотрит на меня.

– А вы... Вы позволите взглянуть на нее еще раз?

Нахожу в телефоне их фото и протягиваю ей. Женщина долго любит, рассеянно улыбаясь.

– Какой вы молодец, что предложили это. Нам бы и в голову не пришло. Важные вещи имеют обыкновение забываться или откладываться на потом. А у нас с Витей и правда ни одного совместного снимка, даже детского, – помолчав, она добавляет с грустью: – Как и у нас с Андреем.

– Андрей – это...

– Мой муж, – торопливо поясняет она. – Нам казалось, столько времени впереди. Столько более важных дел. Мы были молоды, поглощены заботами. Жили сегодняшним днем.

Ее взгляд затуманивается, а красивый высокий лоб пере-

секают морщины.

– Но вдруг его не стало. И всё сразу потеряло смысл. После похорон я хватилась, но даже свадебной фотографии не смогла найти. Потеряли или забыли у кого-то. По легкомыслию.

– Ваш муж был военным? – помолчав, неуверенно спрашиваю я.

Ирина опускает глаза, долго разглядывает чашку. Делает глоток.

– Андрей был хирургом. Очень хорошим. Спас немало жизней. Но когда с ним случился сердечный приступ, спасти его оказалось некому. Такая вот причуда судьбы.

Я не знаю, что сказать. А в таких случаях обычно говорю глупости.

– Вы так и не смирились с его уходом?

Она молчит, раздумывая. Затем быстро проводит ладонью по глазам. Снова смотрит на меня, стараясь улыбнуться.

– Трудно ответить на этот вопрос. Умом я понимаю, что раз Господь забрал его так рано, то это для чего-то нужно. Но между пониманием и смирением настоящая пропасть. Которую я по-прежнему не могу преодолеть. Не могу заставить себя поверить, что это навсегда.

Ирина вновь делает паузу, опуская кроткий взгляд на узорчатую скатерть.

– У Вити была мама. Он вам рассказывал, наверное, – продолжает она негромко. – Жанна Викторовна. Чудесная, свет-

лая, беззащитная. Сестра моей мамы. Когда его забрали, она отреагировала примерно так же. Не поверила. Но вынести эту новую реальность так и не сумела. Одиночество, взгляды и разговоры соседей, визиты в милицию, затем в тюрьму. Всё вокруг кричало о том, что произошло. И не было ни спасения извне, ни внутренних сил, чтобы справиться. Она попыталась перейти этот мостик смирения. Но не смогла. Не выдержало сердце.

Женщина подносит чашку к губам, и, когда хочет поставить ее обратно на блюдце, та едва не падает из дрогнувших рук.

– Когда Андрей услышал эту историю, то так расстроился, знаете, – слабо улыбается она. – Говорил, что Жанну Викторовну можно было спасти. Жалел, что мы с ним тогда еще не были знакомы. Он сидел здесь, рядом со мной, на этой кухне. Казался таким молодым, таким полным сил. А потом его самого не стало.

Ирина торопливо смахивает слезу, не сводя с меня полных скорби, но всё таких же добрых глаз.

– Жизнь хрупка, Дима. Она непредсказуема. И хотя заканчивается одинаково, к этому невозможно быть готовым. Но она и есть то главное, что необходимо ценить. Потому я преклоняюсь перед людьми, способными продлить ее. И сама борюсь за каждое живое существо, которое приносят в нашу клинику. Радуюсь, когда удается спасти. И не могу смотреть в глаза их владельцам, если не получается. Потому что знаю,

каким ударом это станет для них. И для меня. Сколько слёз пролито в наших стенах. Как безутешны бывают взрослые, умудренные опытом, сильные люди, навсегда теряющие своих любимцев. Они знают, что их собственная жизнь лишилась чего-то бесценного, чего-то сокровенного.

Женщина прикрывает глаза ладонями, пытаясь сосредоточиться. Это удается, ее взгляд проясняется. Хотя он по-прежнему печален.

– И всё же самое тяжелое испытание – это забрать чью-то жизнь. Теперь я это знаю. Когда вы встречаетесь с Витей, он старается держаться, выглядеть бодрым, уверенным в себе, жизнерадостным. Общение вдохновляет, отвлекает его. Но вы не видите моего брата, когда он один. У нас маленькая квартира, спрятаться нигде, потому часто я вижу его именно таким. Разбитым, потерянным, одиноким. Он молча курит. Пустой, остекленевший взгляд. В такие минуты он где-то внутри себя. Где-то в прошлом. Хочет что-то исправить в нем, хотя бы попробовать. Но случилось непоправимое, и мы оба это знаем. Витя борется. Я помогаю, чем могу. Так и живем.

Она порывисто вздыхает, вновь силясь улыбнуться. Мне очень хочется как-то поддержать ее, но мой запас важных слов, похоже, на сегодня исчерпан. Я лишь сочувственно смотрю на нее.

Ирина вспоминает о времени и всплескивает руками.

– Где это наш художник потерялся. Пора звонить.

Женщина находит телефон в сумочке и набирает номер Катранова. Задумчиво слушает гудки, затем удивленно смотрит на аппарат.

– Странно, сбрасывает.

– Наверное, неудобно говорить, – откликаюсь я.

– Ишь ты, какой! – с горькой иронией возмущается Ирина. – А заставлять человека ждать ему удобно.

Она глядит на меня, раздумывая.

– Знаете, Дима, вещи подождут. Это не срочно, в конце концов. Время позднее, ваши начнут волноваться. Давайте отложим этот вопрос, хорошо?

Я киваю. Не без внутреннего облегчения.

– Вы простите нас, – виновато улыбается женщина. – Витя не в ладах со временем, да и я расклеилась что-то.

Мы идем в прихожую. Заверяю, что ничего страшного, что рад был повидаться. Заношу в контакты ее номер и ставлю напоминание насчет фотографии.

– Благодарю вас, – заглядывает она мне в глаза. – Что находите время. Что умеете слушать. Теперь так редко доводится встречаться с кем-то, кто на это способен. С тем, кто не поучает, не критикует, не насмехается. Я хочу, чтобы вы были счастливы. Не знали непоправимых бед. А с пустяками вы справитесь. Главное, берегите себя.

Словно в опровержение последних фраз я спотыкаюсь в прихожей, но Ирина проворно подхватывает меня под локоть. У нее неожиданно крепкая рука. У меня больше нет со-

мнений, что она принадлежит мужественному и жизнестойкому человеку.

10.

Подсвеченный слабым лучом одинокого фонаря, Катранов сидит на скамейке возле подъезда. Я обнаруживаю его, едва толкнув дверь, и застываю на месте, продолжая недоуменно сжимать дверную ручку.

У него отрешенное, трагическое, чужое лицо. Вероятно, оно шокировало бы меня еще сильнее, если бы Ирина только что не говорила о нем.

Заметив меня, он не удивляется, просто кивает мне и скамейке, приглашая сесть. Устраиваюсь рядом, не произнося ни слова. Начало разговора должно быть за ним.

– За вещами приехал? – бросает он без выражения.

– Да, как договаривались.

– Прости, брат, сегодня немного не до этого. Давай перенесем, если тебя не затруднит.

Голос Катранова звучит глухо, как-то отстраненно, безжизненно. Я внимательно наблюдаю за выражением его лица, но вижу только бледную маску.

– Ирина тебе набирала. Случилось что?

– Ничего нового, – отзывается он после паузы. – Старые раны. Прошное напоминает о себе, в последнее время как-то уж очень настойчиво.

Катранов одаривает меня скупой улыбкой, не вносящей никакой ясности. Его безразличный взгляд шарит по окрест-

ностям и вновь застывает.

– Устал я что-то, Димуль. Напоминаю себе марафонца. Круг за кругом, круг за кругом. А кому-то всё мало, и дистанцию продлевают. Мой срок не закончился. Я всё еще в тюрьме, только камера другая, попросторнее. Это не свобода. И ее уже не будет, похоже.

Катранов невесело усмехается мне.

– Как ты? Как Маргарита, Даша? – помолчав, вяло меняет он тему.

– Всё нормально. Правда, дочка чуть в окно не вышла.

– Обошлось, надеюсь?

– Да. Я же говорю, дурдом у нас.

Какое-то время мы слушаем редкие вздохи ветра.

– Приятный ты парень, Димуль, – вдруг произносит он с грустью. – Жаль, раньше не встретились. В детстве не сдружились. Может, и жизнь бы моя по-другому прошла.

Я не успеваю ответить. Из кармана Катранова раздается полифоническая мелодия кнопочного телефона. Он тут же встает. Решив, что это Ирина, я тоже поднимаюсь со скамейки и собираюсь прощаться.

Но вижу, как его лицо внезапно меняется. Оно становится сосредоточенным и волевым, когда Катранов видит номер и отвечает на звонок.

– Алло, – его глаза настороженно сощуриваются. – Да, я жду.

Выслушивает, быстро смотрит на часы.

– Где это? – коротко осведомляется он и после паузы добавляет хрипло: – Понял, еду.

Катранов прячет телефон, оглядывается по сторонам, и его взгляд сразу натывается на меня.

– Извини, старик, срочное дело. Надо ехать.

Он старается говорить небрежно и даже хлопает меня по плечу. Но мне этот голос кажется нервным. А еще я обращаю внимание на взволнованный блеск глаз и побелевшее лицо.

– Всё в порядке? Я на машине, могу подбросить.

Его секундное колебание лишь подтверждает мои подозрения.

– Нет, дружище, спасибо. Это касается меня. Мне и разбиться, – решительно произносит Катранов и, заметив такси неподалеку, устремляется ему навстречу.

У машины он успевает оглянуться, взмахнуть мне рукой и пообещать позвонить завтра.

С растущей тревогой я наблюдаю, как такси отъезжает. Провожая его глазами. И, когда оно исчезает за углом, резко срываюсь с места.

11.

Это рискованный маневр. Хотя номер такси я запомнил, но района не знаю совсем, да и темнеет так быстро, что даже свою машину удастся найти не сразу.

Но мне везет. Объезжая соседний дом, тут же замечаю удаляющиеся задние огни в конце улицы, по счастью прямой и длинной. Через пару поворотов такси выезжает на шоссе, и преследовать становится еще проще. Стараюсь держаться на почтительном расстоянии, чтобы не привлекать внимания, раз Катранов решил обойтись без меня.

Мы уезжаем всё дальше от города, и я всё меньше понимаю, куда направляется наш воображаемый кортеж и сколько продлится путь. Но вдруг они съезжают на обочину и останавливаются. Я проезжаю мимо, торможу вне поля их видимости и тушу фары. Обернувшись на сидении, наблюдаю.

Такси остается на месте минуту-другую, затем разворачивается и уезжает обратно в город. На мгновение оно освещает сутулую фигуру Катранова в плаще. Помедлив, тот направляется к неприметному дому, в окнах которого поблескивает тусклый свет. В темноте коротко мелькает прямоугольник распахнутой двери, после чего Виктор исчезает внутри.

Воцаряется тишина. Понимаю, что ждать в машине не

имеет смысла. Раз он отпустил такси, значит всё, что должно было произойти, касается только этого строения. И тех, кто в нем находится. Пошарив под сидением, нащупываю ломик и чувствую себя чуть увереннее, хотя желания идти по-прежнему не испытываю.

И всё же пересиливаю себя. Стараясь не шуметь, открываю дверцу и выбираюсь на воздух. Осматриваюсь. Приглядевшись, замечаю припаркованный неподалеку от дома внедорожник. Вроде бы без водителя.

До освещенных окон около пятидесяти шагов. От шоссе дом отделяет что-то наподобие подлеска, способного в случае чего послужить мне прикрытием. Бросив последний взгляд вокруг, я скрепя сердце решаюсь начать свой извилистый путь. Двигаясь почти вслепую, то и дело спотыкаюсь, не находя под ногами тропинки. Цепляюсь джинсами за кусты, ударяюсь о кочки. Тот еще лесной скиталец. Но окна всё ближе. Я уже различаю бревенчатые стены и по их состоянию быстро догадываюсь, что дом нежилой. Сооружение старое и запущенное, так что единственное, для чего может сгодиться – это для такой вот таинственной встречи под покровом темноты. Мое сердце бьется всё чаще. Не могу отделаться от тяжелого предчувствия, что ничем хорошим моя вылазка не закончится.

Подобравшись вплотную к дому, я прижимаюсь к влажной стене и какое-то время стараюсь отдышаться. Изнутри доносятся заглушаемые порывами проснувшегося ветра об-

рывки разговора. Различаю голос Катранова и еще чей-то незнакомый. Вроде бы мужской. Бросаю взгляд на окна. В одном из них разбито стекло. Стараюсь подобраться поближе к нему, чтобы лучше слышать. Оказавшись рядом, осторожно выпрямляюсь. Окно оказывается чуть выше уровня глаз, но мне уже видна часть заброшенной комнаты с покосившимся потолком. И отчетливо слышна речь. Говорит Катранов. Медленно и мрачно.

– Зачем тебе всё это? Что это изменит? Мы сами загубили свою жизнь. Незачем искать виноватых. Ни к чему делать хуже, чем уже есть.

– Хуже, чем есть, уже не будет, – отвечает ему кто-то. Это нервный, сиплый, какой-то болезненный голос. – От меня остался кусок человека. Ни настоящего, ни будущего. Только боль, которую не заглушить никаким градусом. Только память. И урод в зеркале. Так что не надо мне тут плести за жизнь. У меня ее давно уже нет. А у него есть. И даже есть сын.

От этого голоса я чувствую на спине мурашки. Словно надвигающаяся беда на секунду обрела звучание и позволила себя услышать. Бегло осматриваюсь в темноте и различаю вблизи скамейку. Проверив ее устойчивость, осторожно поднимаюсь. Теперь окно прямо передо мной, и я вижу всё.

Спокойного ровного сияния от явно не местной лампы под потолком оказывается достаточно, чтобы осветить присутствующих. Их трое.

Катранов стоит у боковой стены вполоборота ко мне, понутив растрепавшуюся голову.

В центре комнаты респектабельный с виду мужчина моих лет. В шикарном костюме. Он покорно, как-то обреченно смотрит себе под ноги. Над левым глазом виднеется сильный порез, который продолжает кровоточить, пачкая выступающий ворот дорогой рубашки. Его руки беспомощно сведены в неестественном жесте. Причина становится мне понятна не сразу, но приглядевшись, я понимаю, что запястья у него связаны.

Как и у молодого парня около него. Кажется, ему лет семнадцать. Его глаза суетливо перескакивают с предмета на предмет, будто он старается убедить себя в нереальности происходящего. Губы на бескровном лице шевелятся, но я не слышу ни слова. Похоже, его не слышат и в комнате.

Успеваю сообразить, что незнакомца, с которым говорил Катранов, среди них нет. И тут же слышу его голос возле себя, отчего едва не падаю со скамейки.

– А ты что молчишь, гнида? – выкрикивает сиплый.

От стены в комнате прямо у моего окна отделяется фигура. Это высокий худой человек с жидкими бесцветными волосами, сильно прихрамывающий на правую ногу. Он ви-ден мне со спины, но и этого хватает, чтобы почувствовать, что вся опасность исходит от него. Даже в его неправильной осанке ощущается какая-то фатальная неизбежность, ставящая под угрозу всех, кто находится рядом.

В руке он сжимает пистолет. Подводящий черту в моем понимании общей картины.

Слова незнакомца обращены к мужчине в костюме. Тот несмело приподнимает подбородок, но не решается заглянуть ему в глаза больше чем на секунду.

– Я... извините меня за всё, – наконец доносится его ломкий голос.

– Что? – усмехается сиплый язвительно. – Не слышу, что ты там лопочешь, Лагутин!

Юноша смотрит на соседа непонимающе, словно лишь сейчас по-настоящему осознавая, кто стоит с ним бок о бок. Как и я.

– Пап, что ему надо? – испуганно бормочет он срывающимся голосом.

– Хватит уже, Чулин, – подает угрюмый голос Катранов. – Отпусти людей, давай поговорим. Не надо глупостей. Этим никому не поможешь.

Тот нетерпеливо отмахивается от его слов.

– Заткнись, Катран. Стой и молчи. Я думал, ты нормальный мужик, а ты такая же размазня, как и это тело, – брезгливо кивает он на старшего Лагутина. – Но ты отсидел за меня, и я это уважаю. Поэтому просто захлопнись и смотри, что будет. Или не смотри, если слабонервный.

– Я тоже считал тебя за мужика, – пристально вглядывается Катранов в его лицо. – Просадил молодость ради того, чтобы ты им стал. Человеком, а не тупой зверюгой. Что, по-

лучается, напрасно старался?

Чулин затихает, но совсем ненадолго.

– Да, ловко у тебя выходит, – соглашается он с едким смешком. – Витя Катранов супергерой, а Гоша Чулин конченный ублюдок. Ладно, нехай так. Только пока ты на нарах скучал, браток, я на войне побывал и калекой стал. Теперь без ноги. Без нормального лица. И голову мне никто обратно не поставит. Даже ты, праведник с большой дороги. Так что вырубай радио свое. Не зли. Патронов у меня на всех хватит. Что одного, что всех здесь завалить – для меня без разницы.

Губы Лагутина-младшего начинают дрожать.

– Пап, скажи ему, что он хочет! – умоляет он, часто хлопая длинными ресницами.

Чулин поворачивает голову к ним.

– Так что? Есть что сказать на прощание? – цедит он презрительно.

Отец вскидывает голову, и я вижу струящиеся по идеально выбритым щекам слезы.

– Я же сказал! – вскрикивает Лагутин истерично. – Я прошу прощения! За всё, что вам обоим пришлось пережить! Я не знал! Я не хотел! Меня заставили на вас донести!

В доме повисает тяжелая пауза. Слышны лишь всхлипывания Лагутиных.

– Ты жалок, – бросает Чулин с отвращением. – Зря только трудился, руки тебе связывал. Никчемный кусок говна. Мне не нужны твои извинения. Твои сопливые оправдания. Вы

здесь не за этим. Я хочу, чтобы ты запомнил этот вечер на всю свою бесполезную жизнь. Так что раскрой свои свинячьи глазки пошире и смотри внимательно. Как я застрелю твоего сына.

Младший Лагутин от неожиданности перестает плакать и в оцепенении глядит на Чулина.

Его отец понимает суть сказанного быстрее и начинает безобразно завывать.

– Не трогай... моего мальчика... – могу разобрать я со своего места. – Он не... здесь не причем... он... мы... деньги... возьми... машину...

Внезапно его взгляд проясняется, а связанные руки взмывают вверх.

– Убей меня! – визжит он в отчаянии. – Это же я! Моя вина! Пощади Сережку! Ведь ты был молодым!

– Я? – переспрашивает Чулин с издевательской усмешкой. – Было дело, да. Только из-за тебя, козел, моя молодость была недолгой. И теперь то же самое ждет твоего Сережку. Только ему не придется доживать до старости, как мне. Так что перестань скулить. Прощайтесь, у вас минута.

Внезапно старший Лагутин с перекошенным лицом пробует совершить рывок в сторону Чулина. Но тут же спотыкается, грузно валится на пол и остается лежать, однозвучно причитая.

– Восторг. Это был знатный выпад, – заключает Чулин бесстрастно и, подумав, заявляет: – Вот что я сделаю. Сей-

час вы оба повернетесь ко мне спиной и встанете на колени. Я сосчитаю до трех и выстрелю. Один из вас умрет. Другой встанет и выйдет из дома. Это понятно?

Катранов поднимает голову, устало сощуриваясь.

– Не гневи Бога, Чула. Не умножай зло. Его и так слишком много. Вспомни, мы ведь говорили об этом, когда ты сам был пацаном. Всё еще можно исправить.

Он старается говорить спокойно, но даже я слышу в его словах безнадежность.

– Я уже убийца, Катран, – невозмутимо звучит сиплый голос. – И ты это прекрасно знаешь.

Чулин поднимает пистолет и направляет его на Лагутиных.

– Повернулись спиной. Встали на колени.

Всхлипывая, те безропотно подчиняются. Чем повергают меня в глубокий шок и одновременно выводят из оцепенения. Я сжимаю ладонь и чувствую в ней спасительную тяжесть металла. Когда Чулин начинает отсчет, я широко размахиваюсь и изо всей силы всаживаю ломик в уцелевшее оконное стекло, обдавая подоконник градом осколков.

Грохот оказывается настолько оглушительным для моего ночного слуха, что я остолбенело застываю на месте. И вижу, как Чулин разворачивается и стреляет. Пуля с сухим треском врезается в оконную раму в нескольких сантиметрах от меня. Второй выстрел должен был оказаться смертельным, но его не происходит. В следующую секунду тощая шея ока-

зывается в захвате Катранова. Свободной рукой тот выворачивает кисть с пистолетом в сторону. Чулин снова и снова яростно нажимает на курок, пули одна за другой поражают отсыревшие стены. Беспомощно сотрясаются в ожидании конца спины Лагутиных.

– С-с-сука! – сдавленно кричит Чулин, выбиваясь из сил.

Я впервые вижу его постаревшее лицо. Огромный багровый ожог, искривленный рот и безумные вытаращенные глаза. Мне сразу становится ясно, что взывать к разуму этого существа было бесполезно.

– Валите отсюда! – рычит Катранов, на мгновение поворачивая к Лагутиным стремительно исхудавший и заострившейся профиль. – Быстро! Ни слова никому!

Те вздрагивают в последний раз, словно этот выстрел достигает цели. Замирают на миг, вскакивают на ноги и без оглядки устремляются к двери. Я наблюдаю, как они выскакивают наружу и, не разбирая дороги, бегут куда-то в лес. Затем, опомнившись, резко поворачивают в сторону внедорожника у обочины. Через недолгую паузу включаются фары, и машина, боязливо мазнув лучами густую тьму, неловко выбирается на шоссе и с ревом исчезает за кустами.

Я спрыгиваю со скамейки и, пошатываясь, спешу в дом. Но когда оказываюсь внутри, всё уже кончено. Возле окна виднеется распростертое тело Чулина. На корточках рядом усталый силуэт Катранова. Его тяжелое дыхание. Склоненная голова.

– Ты как? – выкрикиваю я, стараясь перекрыть звон в ушах.

Он медленно поворачивается ко мне.

– Я убил его.

Даже мой поврежденный слух способен уловить в этих коротких словах тоску и опустошенность.

12.

Мы хороним Чулина в лесу, метрах в тридцати за домом. В этом помогает снятый с потолка светильник и найденная возле двери совсем новая лопата. То, что ныне покойный привез ее сюда, только подтверждает серьезность его намерений в отношении Лагутиных.

Занятие хлопотное, но грязная физическая работа позволяет отвлечься. Катранову – от тяжести совершенного, мне – от того, что всё это я видел собственными глазами. Правда, она же и усугубляет впечатление от происшедшего. Словно кошмарный сон, обрастающий мелкими подробностями, кажется реальным и оттого еще более пугающим. Я понимаю, что и запах сырой земли, и еловые иголки на одежде, и слетевший с грубого протеза ботинок, и брошенный в могилу пистолет – все эти воспоминания останутся со мной навсегда. Но они для будущего. Для другого меня, что вернется к обыденной жизни. А сейчас, пока шум в ушах и уровень адреналина в крови не ослабели, я представляю собой лишь странное незнакомое создание, которое в потемках озабоченно возится с трупом.

Когда мы заканчиваем, Катранов укладывает в изголовье найденный где-то камень и даже сооружает из веток что-то вроде креста. Постояв в задумчивости, он забирает лампу с лопатой и исчезает в окружающих зарослях. Через несколько

минут возникает из темноты с пустыми руками.

– Где машина? – слышится его едва ли не первая за минувшие полчаса реплика.

Показываю рукой. Он удовлетворенно кивает.

– Пошли. И так задержались мы здесь.

Возле машины Катранов оборачивается к дому. Различаю его спину и растрепанную копну волос. О чем он думает в эти мгновения? И правда ли я хочу это знать?

С удивлением обнаруживаю, что рука по-прежнему сжимает ломик. Похоже, мышечная память существует, и она вполне автономна. Открываю дверцу и рассеянно прячу его обратно под сидение.

Катранов выглядит собранным и деловитым, но я знаю, что это видимость. На самом деле он потрясен не меньше меня, просто искуснее скрывает свои чувства. Пристально смотрю на него. А он – на меня, будто только сейчас сообразив, кто помогал ему с погребением старого друга.

– Ты как здесь оказался? – подтверждает Катранов мое предположение.

– Стреляли, – отвечаю хмуро.

В его немигающих глазах растерянность.

– Спасибо, Димуль. Лучше бы ты сейчас был дома и не видел всего этого.

– Согласен, – откликаюсь немного нервно. – Но раз уж я оказался здесь, может, объяснишь, что это было?

Он достает пачку сигарет и протягивает мне. Только в этот

момент я понимаю, как сильно хочу курить. И представляю, что где-то далеко, в другом измерении, Марго прячет в пепельницу последний окурок и засыпает. Жадно затягиваюсь, чувствуя почти болезненное облегчение.

– Поехали, – предлагает он спокойно. – Пора поспешать. Подробности по дороге.

Мы выезжаем на пустынное шоссе, оставляя дом в темноте и одиночестве, к которым тот уже привык.

– Сколько до города?

– По навигатору примерно двадцать пять минут, – бросаю взгляд на телефон.

Катранов молча глядит в окно, бесцельно пролистывая глазами огоньки встречных фонарей.

– По навигатору, значит, – вдруг повторяет он задумчиво. – Да. Хороший образ. Подходит для описания жизненного маршрута. Есть пункт отправления, и какие бы фокусы ты не придумывал по ходу, пункт прибытия останется тем же. "Путь каждого записан в книге судеб". Так говорят, кажется.

– Что случилось, расскажешь? – нетерпеливо смотрю на него.

Он тяжело выдыхает дым в окно, собираясь с мыслями. И начинает говорить. Размеренно и неохотно, но почти без пауз.

– Чулин жил в нашем подъезде, на пару этажей ниже. Молчун, во дворе почти не появлялся. Я его и не помню

лет до четырнадцати. Мать только запомнил его. Тоже тихая женщина, забитая какая-то, глаза прятала при встрече. Пьющая, но у нас полдвора таких было, сам знаешь. Потом отец его вернулся после ходки. Говорили, за грабеж. Этот другое дело. Возникал всё время, злой ходил на всех. Даже к нам задираться пробовал, но получил и отвалил. Дохляк. Только дома кулачищами размахивать и мог. Жена с синяками появляться стала. Да и Чула тоже. То расцарапанный, то побитый. Крик в их квартире всё чаще. Милиция приезжала. Разбиралась, увозила. Отец возвращался, и всё по новой. В общем, спаковали его обратно в итоге. Остались с матерью опять. Только мать пить стала. Уже по-настоящему, с запоями. Ее жалели, предлагали помочь. Но она ничего. Благодарит и извиняется, когда трезвая. А потом на следующий круг.

Катранов выбрасывает сигарету и сразу достает новую. Рассеянно разглядывает, вспоминая. Затем неспешно сует в рот и прикуривает.

– Я Чулу пожалел. Вижу, пропадет парень, если не вмешаться. Стал за собой таскать. В компанию привел, с девчонками знакомил. На гитаре научил. Он ничего такой, быстро схватывал, не терялся. Улыбаться хоть стал, шутить даже. Нормальный малый, свой, не бестолковый. Ну, сдружились постепенно. Хотел его уму-разуму научить. Он вроде слушал, понимал, соглашался. Сам мало говорил, но по делу. Наши его уважали, ничего плохого не говорили. Мате-

ри помогал, да и она как будто лучше стала.

Рассказ снова прерывается. Я поворачиваю голову и вижу, как его отсутствующий взгляд блуждает по однообразному пейзажу. Наконец, пепел падает с позабытой сигареты ему на кожу, приводя Катранова в чувство. Он машинально встряхивает рукой, хрипло откашливается.

– В тот вечер всё было как обычно. Посидели в гостях, выпили. Вышли с Чулой на улицу. С гитарой, к мосту. Думали еще поиграть немного. Но встретили Кочеткова, и тот пристал. Бухарик такой убогий, помнишь, наверно. Выпьем да выпьем. Поговорим да поговорим. Споём да споём. Ты ему "нет", а он еще сильнее наседает. Уже поддатый был, тем более. В общем, заспорили. Слово за слово. Я его послал, он меня. Чула влез, а он долго говорить не привык. Дал в морду, а тот обратно. Я разнимать. И тут Кочетков что-то там про его мать сказал. Я даже не расслышал толком. И вдруг слышу удар, Кочетков оседает у меня в руках. И кровяшка. Оглядываюсь, а Чула камень в руке держит. Я думаю, куда тащить, в какую больничку. А Кочетков всё. Пульса нет, сердца нет. Привет.

Катранов проводит рукой по лицу, трёт утомленные глаза. Вздыхает.

– Бросили в реку, короче. Делать было нечего. Он всех достал, и ментов тоже. Думали, спустят на тормозах, когда найдут. Решат, несчастный случай. Там на мосту перила низковаты, давно менять хотели, но начальству нашему город-

скому всё не до того было. Ну и упал по пьяни, бывает, стукнулся. Но на следующий день заявляются к нам. Свидетель, говорят. Убийство, говорят.

Он усмехается. Но на этот раз мне ясно видна горечь в его глазах.

– Я решил взять на себя. Чула и не просил даже. Но по нему было видно, что не вытянет срок. Ни он, ни мамка его непутевая. Пожалел. Думал, оступился парень. Теперь осознает, повзрослеет, человеком станет. Увидит, какая цена у жизни.

Катранов снова задумчиво вглядывается в полосы на шоссе.

– В общем, его отпустили, а я присел. Только как-то через пару месяцев приносит мне мама письмо от него. Читаю и не верю. Оказывается, в армию забрили. И не просто, а на войну. Злое письмо было. Истерика настоящая. Не видел и не слышал его таким раньше. Меня обвинял. Якобы с толку его сбил, жизнь перекорёжил. И еще Лагутина. Стукачом называл, запомнить обещал, отомстить. Я думал, слова всё. Ну, не повезло парню. Остынет, вернется живой и простит. Тем более, что и правда пацана этого, Лагутина, признаться заставили. Папка у него сильно принципиальный был, сам от гопоты пострадал когда-то.

Он встряхивает головой и морщится в ухмылке.

– Так и пошло. Я сидеть, он Родину защищать. Писем не было больше. Мама умерла моя. Его мать спилась. Об отце

ни слуху, ни духу, перевели куда-то. Лагутин школу закончил, уехал сюда. Больше я ничего не знал. Отсидел, вышел. Домой вернулся. Могилку мамину стал навещать. Его матери тоже цветы носил, ограду у нее выправил. Всё своим чередом. И вдруг письмо получаю. Не письмо даже – так, открытку. Без подписи. А в ней четыре слова. Написано: "У Лагутина есть сын". И больше ничего. Я не понял сперва, а потом дошло, от кого это.

Катранов прищуривается, вновь извлекая сигареты. Долго чиркает непослушной зажигалкой.

– Решил переехать к Иришке. Она давно приглашала, письма в тюрьму писала, даже на свидания приезжала. Мы с ней до этого и не общались почти. Она девчонка интеллигентная всегда была, зачем я ей. А когда мамы не стало, прямо как под крыло меня взяла. Заботилась. Да и не осталось больше никого. Друзки разъехались, девицы наши замуж повыскакивали. Остальные знать меня больше не захотели. А здесь и повод. Лагутина отыскать решил. Посмотреть на него. И на пацана его тоже. Предупредить, если выйдет. Нашел быстро, а вот поговорить по-людски не довелось. Бегать стал от меня, даже угрожать пробовал. Думал, мне надо от него что-то. Деньги, там, услуги. Трус, в общем. Рохля. Какой и был. В костюмчике только. Я бы и бросил его, да сына жалко. Стал послеживать осторожно, издалека.

Он выпускает облако дыма и какое-то время без интереса вглядывается в непроглядный сумрак.

– Так и шли годы, один за другим. Всё забываться стало. Я уж подумал, что показалось мне тогда. Жил спокойно, картины стал писать. Даже продавать что-то, деньги зарабатывать. Иришка рядом – добрая, терпеливая, одинокая. Поговорить есть с кем. Всё нормально, в общем.

Катранов делает паузу, затем внимательно смотрит на меня.

– И было нормально. До вчерашнего дня. Но вдруг звонит Чулин. Как ни в чем не бывало. Голос обычный, дружелюбный. Как дела, расспрашивает обо всем. О себе рассказывает. Что отслужил, уволился, на пенсии. Смеется. Но в конце разговора вдруг о Лагутине вспоминает. Так, между делом. Сын у него, мол, ты знаешь? Скоро восемнадцать. Может, пригласит на праздник, говорит. Со смехом всё. В шутку. Я ничего, и он ничего. Поговорили и распрощались.

Он задумывается. Пожимает плечами, потрясенно качает головой.

– А сегодня опять звонок. "Его сынок у меня", говорит. "Приезжай полюбоваться". Куда, не сказал. Назначил время. Сказал ждать у телефона. А потом приезжать без никого.

Катранов нервно крутит пальцами зажигалку, воскрешая в памяти их разговор. Наконец, останавливается и убирает навязчивый предмет в карман.

– Хотел я домой зайти переждать. Но понял, что не могу. Иришка сметливая у меня, а на мне лица нет. Так и сел у подъезда. А тут ты. Ну, и завертелось. Я думал, удастся вра-

зумить. Но, как увидел его, сразу понял, что ничего не выйдет. Совсем другой стал. Животное дикое. Хуже. Ты видел сам. Ничего человеческого. Ничего живого.

Он надолго замолкает, уставившись в окно.

– Я крепко промахнулся, брат, – наконец, слышится надтреснутый голос. – Ухлопал лучшие годы ни на что. Это ошибка длиною в жизнь. И даже исправить ее нормально не сумел. Только руки замарал. Сам убийцей стал. Всё перечеркнул. Все старания и надежды. Вместо точки клякса осталась. Разве что мир избавил от этого отморозка. Или, скорее, Чулу освободил от него самого. Но никто не оценит моего поступка. Ни одна из инстанций. Даже Лагутины, хоть и целыми выбрались. Теперь из-за них мне придется уехать.

– Уехать? – вдруг с удивлением слышу я забытого себя. Ошеломленного, поникшего, удрученного.

– Да. Исчезнуть. Что им теперь взбредет в головы, неизвестно. Может, они в полиции уже. А может, из города сбежали от греха. Знаю только, что во второй раз за Чулина садиться не буду. Хватит с меня. Пусть покоится, где сам захотел. А я попробую начать сначала, если еще есть время.

– А Ирина? – срывается с моих губ беспомощный вопрос. Катранов нежно и печально улыбается.

– Нам с ней предстоит нелегкий разговор. Но другого выхода нет. И ты уже знаешь не хуже меня, что она в состоянии понять это.

– Но... ты же вернешься? – с затаенной надеждой произ-

ношу я.

– Не знаю, Димуль. Надеюсь на это.

Безысходность в его голосе заставляет меня крепче стиснуть руль. Через минуту в темнеющем небе показываются первые многоэтажки. Сонный город равнодушно встречает своих измученных детей.

13.

На четвертом этаже освещено единственное окно, так что мне даже не приходится вычислять их квартиру. Время от времени вопросительно поглядываю на него, словно жду сигнала.

Катранов попросил меня подождать в машине, и я легко согласился. Возможно, даже слишком легко. Но свидетелем их разговора быть не хотелось. Получив опыт общения с ними обоими и с каждым из них, можно было себе представить, насколько тяжелой и эмоциональной окажется эта беседа. Вероятно, даже более трудной, чем казалось ему. И всё-таки в глубине души я даже теперь продолжаю надеяться, что Ирина найдет какие-то слова и аргументы, чтобы ее брат остался. Хотя в то же время осознаю неотвратимость и необходимость его отъезда. Вот и еще одно противоречие в цепочке. Такова вся его жизнь. Причудливый маршрут по одуревшему навигатору.

Всё переплелось в рассказанной им истории – расчеты и чувства, намерения и поступки, человечность и варварство, вина и наказание. Добро и зло. Будто черное и белое за все эти годы так и не смогли провести четкую границу между собой. И я им тоже не помощник. От усталости или от субъективности, но сейчас мне не под силу даже определить, правильно ли я поступил, что вмешался, а не остался в стороне.

Он долго не появляется. Или просто минуты наедине с самим собой тянутся слишком медленно. Смотрю на время. Часовая перешагнула за двенадцать. Вот так, тихо и незаметно закончился этот день. Такой бесконечный и такой важный для меня. Вобравший в себя невероятное количество событий и переживаний. Потребуется немало усилий, чтобы разобраться со всем этим. Осознать и объяснить себе короткий отрезок, превысивший год моей прежней привычной жизни.

Прокручиваю его в памяти. Усмехаюсь себе. Надо же. Ведь в нем и правда уместились все четыре сезона. Четыре стихии. Утренняя прогулка по зеленеющему и благоухающему парку? Определенно весна. Беспечная солнечная поездка домой после работы, а затем раскаты грома в нашей квартире и беспощадная молния, едва не испепелившая мою семью. За ней радуга и прилив живительной свежести. Разве не лето? Дальше надрывающий душу монолог Ирины и опустевший взгляд Катранова в тусклом отблеске фонаря. Символ безотрадного воцарения осени. А следом заморозки. И вот уже врывается нежданная метель, застающая меня у сотрясающихся от жестокости и безволия стен заброшенного дома. Зима обрушивается стремительной снежной лавиной, что разом засыпает меня с головой и не позволяет пошевелиться. Даже помыслить о том, чтобы изменить участь человека, который всю свою жизнь не может дожидаться простого счастья. Всё, что мне остается – это надежда на возвращение весны. На милость судьбы. На новый день и новые силы.

Наконец, Катранов появляется в дверях подъезда. И я сразу понимаю, что будет дальше. Одна его рука сжимает небольшой чемодан, в другой – огромный пластиковый пакет. Приближаясь к машине, он демонстрирует бодрость и даже находит для меня фирменную неунывающую улыбку. Но мертвенная бледность лица и страдальческое мерцание глаз не укрываются от моего взгляда. Что ж, способность сохранять присутствие духа похвально и наверняка не раз пригодится ему в будущем.

Не проронив ни слова, я открываю багажник и помогаю уложить чемодан. Пакет помещается на заднее сидение.

– Здесь вещи для церкви, – кивает Катранов на него. – Она как раз рядом с нашей уличной выставкой, не заблудишься. Скажи, что от меня, там знают. Окажешь услугу?

– Конечно.

Он с отеческой нежностью смотрит на меня и, кажется, хотел бы сказать что-то еще, но не может найти нужных слов. Поэтому мы просто молча стоим возле машины, пока я не захлопываю крышку багажника.

– Ну, тогда, последний рывок на вокзал? – выдыхает он, горько усмехаясь.

Направляясь к водительской дверце, бросаю взгляд на их окно. И успеваю заметить едва различимую тень Ирины. Но раньше, чем я решаюсь обратить внимание Катранова, она исчезает. Оставляя после себя лишь добрый и уютный свет

голубоватых занавесок.

14.

Он выбирает ближайший к дому вокзал. Своих планов от меня не скрывает – выбраться из города первым же поездом, сойти на одной из станций, пересесть на попутку и добраться до более или менее населенного пункта, где и обосноваться. Что ж, наверное, разумно. Во всяком случае, я на его месте поступил бы примерно так же. Хотя в этом есть сильное преувеличение. Не думаю, что мне или кому-то еще предстоит оказаться в такой жизненной ситуации. А значит, советы бессмысленны, как и уговоры.

Большую часть нашего короткого пути мы проводим в напряженном молчании. Боюсь, что подобные долгие паузы теперь постоянно будут возвращать меня к погребению Чулина, этому сюрреалистичному бессловесному действию. А его? Может быть, но не сейчас. Пока мысли Катранова где-то в неопределенном для него будущем. Его лицо буквально кричит об этом. Хотя, правильнее сказать, беззвучно шепчет. Глаза устремлены в лобовое стекло и придирчиво вглядываются во встречные осколки городского пейзажа. В поблескивающие витрины, мигающие светофоры, случайные машины и запоздалых пешеходов. Кажется, что сейчас он в поисках ответа или знака. Но город безмятежно спит. Всё, что он оставил нам, напоминает гостиничную табличку с надписью "Не беспокоить". Ладно, извините, мы будем вести себя ти-

хо.

Войдя в здание вокзала и бросив недолгий взгляд на табло отправления, Катранов сразу направляется к кассе. Ближайший состав уходит уже через двадцать минут. Я даже не запоминаю пункта назначения. Мы успеваем заскочить в буфет. Он – за снедью в дорогу, я наконец отовариваюсь сигаретами и зажигалкой.

На перроне тишина, лишь время от времени полусонно отфыркивается его поезд. Кроме нас и немолодой проводницы у вагона никого. Даже заядлые курильщики зарылись в подушки. Теперь нас с ними роднит только желание, чтобы наступивший день оказался лучше предыдущего.

Мы всё так же молчим, но тишина этих последних минут кажется мне слишком мучительной. Я лихорадочно сочиняю тему для разговора. К моему облегчению, Катранов заговаривает раньше, чем мне приходится сказать какую-то банальность.

– Достанется тебе дома, наверное? Если хочешь, напишу Маргарите объяснительную. Без подробностей, правда.

– Ни к чему. Она в курсе моего визита. Больше того, я здесь благодаря ей.

Он улыбается, одобрительно качнув головой. Помолчав, изрекает доброжелательно:

– Хорошая женщина. Это сразу видно. Да, уставшая. Задёрганная бытовухой и работой. Наверное, и в детстве всё было непросто. Да и вы с дочкой те еще подарки, я думаю.

Но ты и она – настоящая пара. Не надо быть умником, чтобы это заметить. Просто у вас одинаковый взгляд. А это важнее всего. Вы одно целое. И если так, то всё в порядке. Только берегите друг друга. Не позволяйте глупостям вмешиваться. Будьте выше. Разговаривайте и слушайте. Одному выжить можно, но гораздо легче, когда рядом твой человек. Сделанный на заказ специально ради тебя.

Я киваю, не находясь с ответом. Катранов косится на окна вагона и вдруг ободряюще подмигивает мне.

– Однажды я вернусь, и мы встретимся, – произносит он с какой-то шальной надеждой. – Все вместе. Я, Иришка и вы. У нас. Или у вас. Когда всё наладится, и я опять смогу жить с поднятой головой. Мы забудем плохое. Станем просто разговаривать о пустяках и смеяться.

– Мы будем ждать этой встречи, – заверяю его, глядя прямо в глаза. – Наверное, мир и правда не вращается вокруг нас. Но есть круг людей, который временами позволяет надеяться на это. Твой круг здесь. Возвращайся, как только сможешь.

Катранов впервые смотрит на меня с искренним удивлением. Пробует привычно усмехнуться, но что-то в моих словах останавливает его. Вдруг он делает решительный шаг и неуклюже стискивает меня в объятиях.

Я чувствую себя вернувшимся в детство. Там не было отца. Но у меня был свой герой.

– Пассажир, заходим, поезд отправляется, – звучит рядом

монотонный голос проводницы.

Он вздрагивает и отступает, будто его застали врасплох. Быстро берет себя в руки, подхватывает чемодан и направляется к вагону. Прежде чем взобраться на подножку, оглядывается на меня. Добрый и насмешливый взгляд. Короткий взмах руки. И вот он исчезает. Следом, мимолетно посмотрев в мою сторону, поднимается женщина в униформе. Ей не до любезностей, она на службе. И все-таки даже в ее глазах успевает промелькнуть что-то похожее на человеческое сопереживание.

Через пару минут состав трогается с места и, тяжело дыша, отправляется в темноту. В то самое непредсказуемое будущее, которое знает ответы на все вопросы.

Я разворачиваюсь и медленно бреду к вокзальным воротам. Отыскав машину, втискиваюсь на сидение и обнимаю руль, бессмысленно глядя перед собой. Через какое-то время пробую включить зажигание, но тут же понимаю, что слишком измотан, чтобы ехать. Откинувшись на подголовник, почти мгновенно засыпаю. Продолжая видеть перед собой лицо Катранова.

15.

Резвые блики затевают причудливый танец на моем лице, вынуждая проснуться. Похоже, новое утро как следует разогрелось и не прочь пошалить. Оно заглядывает одновременно во все окна машины, по-детски удивляясь, почему это я обнаруживаюсь здесь, а не дома. Долго объяснять. Тем более, когда и самому хотелось бы постичь суть пережитого накануне.

Из зеркала смотрит опухшая, небритая, красноглазая физиономия. Если это моя, то вид не радует. Еще и с царапиной на щеке. Видимо, на память о разбитом стекле. При свете дня рана вполне очевидна, как и корка запекшейся крови. А ночью ни я, ни Катранов даже не обратили на нее внимания. Марго обратит. Бросаю поспешный взгляд на телефон. Нет, пропущенных не было, как и новых сообщений. Неудивительно, только начало седьмого, рановато даже для буднего дня.

Ноют шея и спина, вылезаю наружу размяться. Заодно и выкурить первую сигарету. Город оживленно гудит, никакого сравнения с его ночной версией. Трудно отследить источник этого шума. Словно все предметы разом обрели голос и на радостях спешат им поделиться. Прищуриваюсь на солнце. Совсем лето. Беззаботность разлита в воздухе, который даже по утрам начинает казаться удушливым. Птицы, нарас-

пев обсуждающие последние новости и житейские вопросы. А может быть, и меня. Согласен, очень уж подозрительный тип. Не волнуйтесь, я скоро уеду, потерпите пару минут.

Забираясь обратно, сразу замечаю пакет на заднем сидении. Коротко задумываюсь, принимая решение и киваю самому себе. Надеюсь, не слишком рано для визита в церковь.

Оказывается, не слишком. Мне даже рады, как и вещам. Я вижу те особенные добрые глаза, которые отличают праведников от обывателей. Подмечаю скромную улыбку, обычную для тех, кто умеет радоваться каждому новому человеку просто потому, что он есть. Слышу скупую негромкую речь того, кто не привык спорить и доказывать с целью поставить себя выше других. Чувствую искреннюю благодарность, не требующую ответных эмоций. И оттого рождающую их. Мне хочется задержаться, побыть в этом очаге покоя еще хотя бы несколько минут. Но меня зовут абстрактные мирские дела. Те, что считаются важными.

Не удержавшись, решаю пройти до уличного вернисажа. Это и правда совсем рядом. Но когда оказываюсь на месте, то успеваю лишь пожалеть, что благостное настроение так скоротечно. Оно живо покидает меня, когда вместо привычных рядов передо мной появляются металлические ограждения, покрытые сеткой с красочным слоганом "Сделаем наш город лучше". Людей в костюмах и с телефонами здесь уже нет. Они все-таки довели свое дело до конца, и теперь вокруг лишь временный пустырь. Возле которого одиноко маячит

табличка с наименованием заказчика, подрядчика, сроков и перечня предстоящих работ. Приблизившись, выясняю, что к осени здесь будут осваиваться новые торговые площади. Очевидно, им и суждено сделать наш город лучше.

Сверлю табличку неприязненным взглядом, но та лишь равнодушно поблескивает девственной белизной. До моих чувств никому нет дела. А то, что мне хотелось бы сделать с ней и с ограждениями, в равной степени бесполезно и незаконно.

Побежденно отступаю, шаря по карманам в поисках сигарет. И тут же замечаю перед собой ватагу голубей, важно расхаживающих по тротуару в поисках корма. Мне сразу вспоминается вчерашняя находка на парковой дорожке. Непроизвольно зажмуриваюсь и обреченно опускаю голову.

Тренькает сигнал сообщения. Не поднимая глаз, медленно достаю телефон.

"Как ты там, мой герой?" – высвечивается на экране.

Моя белая птица. Мое спасение. Моя Маргарита.

"Становлюсь лучше благодаря тебе" – печатаю я, с трудом попадая в буквы.

Какое-то время мессенджер хранит молчание. И когда мне уже кажется, что разговор окончен, в ответ от нее приходит сердечко. Простой символ, на который в другой ситуации едва ли обратил бы внимание. Сейчас он наполняет мою жизнь смыслом и надеждой.

Пора домой. Еще успеваю принять душ, переодеться и от-

везти ее на работу.

Когда я подхожу к машине, телефон снова издает возглас. На сей раз это напоминание. "Распечатать фото". Впопыхах поставил на утро, а не на вечер. Открыв галерею, пролистываю фотографии. И неожиданно обнаруживаю позабытый снимок, сделанный Ириной за столом. На нем мы с Катрановым.

Невольно усмехаюсь. Проверяйте, не отходя от фотографа. Я получился с закрытыми глазами. И с дурацкой самодовольной ухмылкой. Такие шедевры надо удалять, не задумываясь. Но я долго и с интересом разглядываю его. Постепенно понимая, что это мое лучшее фото за последние годы.

Конечно, это испорченный кадр. Зато он честный. На нем настоящий я трехдневной давности. Во всей красе. Псевдомуж. Псевдоотец. Псевдочеловек. И лишь мужчина рядом – с серьезным лицом и заглядывающими прямо в душу огромными глазами, позволил мне узнать себя таким. Увидеть свою жизнь со стороны и захотеть хотя бы попытаться наладить ее. Да, я тот еще подарок. Но знаешь, друг, мне и правда удастся стать лучше. Еще не поздно это доказать. Те старания, что исковеркали твою судьбу, не были напрасны. Они не были ошибкой. Тебе предстоит убедиться в этом на моем примере. И на примере моей семьи.

Апрель – июль 2023